

САМАРСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

№ 13-й.

1886 г.

іюля 1-го

Годъ двадцатый.

Ч А С Т Ъ Н Е О Ф Ф И Ц І А Л Ь Н А Я .

СОДЕРЖАНИЕ: Очеркъ чувашской народности.—Объявленія.

ОЧЕРКЪ ЧУВАШСКОЙ НАРОДНОСТИ.

І.

Исторія застаеть (съ послѣдней половины XVI вѣка) Чувашъ народомъ осѣдлымъ, земледѣльческимъ, занимающимъ при томъ опредѣленный географическій районъ. Въ тогдашнихъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ этотъ районъ обозначается именемъ „Нагорной стороны“, гдѣ Чувашъ называются „Нагорными людьми“. Для цѣлей нашего очерка намъ необходимо точно означить границы этого района, естественныя и искусственныя, если таковыя были.

Отыщемъ на картѣ рѣку Суру. Остановимся у города Алатыря Симбирской губерніи. Перенесемъ мысленно въ послѣднюю половину XVI вѣка. По лѣвую сторону рѣки Суры на западъ поидеть земля „Мордовскихъ людей“: Ерзянъ, Мокши, Буртасовъ и Мещеряковъ, поидеть земля „Чуди“. Тенерь поидемъ по правому берегу рѣки Суры на сѣверъ, по теченію ея, до впаденія ея въ рѣку Волгу. Отъ города Василя-Сурска, непереходя рѣки Волги, поидемъ по правому нагорному берегу ея по теченію на востокъ, съ разными уклонами этого теченія. Здѣсь мы встрѣтимъ городъ Чебоксары, который русскіе въ насмѣшку зовутъ столицей Чувашской, и влагають въ уста Чувашъ такую ироническую пох-

валу этому городу: „Чуксарь городъ—всѣмъ городамъ городъ: хошь лыка, хошь мочала, хошь пряникъ, все есть, что хочешь“. Потомъ встрѣтимъ городъ Свіяжскъ, основаніе коего положило прочное начало къ утвержденію русской власти на всемъ пространствѣ—между Сурой и Волгой.

Съ поворотомъ теченія Волги на югъ, и мы пойдемъ по этому теченію, и остановимся на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ городъ Тетюшскъ Казанской губерніи. Отсюда поворотимъ на западъ, и, уклоняясь немного на югъ, пойдемъ къ городу Алатырю, съ котораго начали свое шествіе. Идя отъ Тетюшъ по указанному направленію, мы перейдемъ рѣку Свіягу въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ нее впадаетъ рѣка Карла (Черная рѣка—отъ *Каръ-Чернота* и *ла*—Чувашская форма прилагательнаго) ⁽¹⁾. Вверхъ по рѣкѣ Карлѣ идетъ земляной валъ къ засурскимъ лѣсамъ, гдѣ, вѣроятно, были устроены засѣки до города Алатыря. Это была искусственная южная граница Чувашской земли, проведенная съ того времени, какъ Чуваши окончательно подпали подъ власть Русскихъ, для защиты ихъ отъ набѣговъ *Ногайцевъ*, которые сдѣлались, по замѣчанію историка Соловьева, открыто враждебными намъ послѣ Казанскаго разгрома.

Такимъ образомъ мы обошли кругомъ Чувашскую землю, какою она была въ то время, когда Чуваши, выражаясь нынѣшнимъ языкомъ, были официально признаны Русскими вѣрноподанными.

Чуваши не сохранили національнаго имени своей народности. Свое названіе они получили отъ татаръ: буквально слово „*Чуваши*“ значитъ „*смирные*“. Это названіе довольно мѣтко, хотя и односторонне, характеризуетъ духъ этой народности, или, выражаясь ученымъ языкомъ нашего времени, „коллективную душу“ народа. Чувашское племя самое непредиримчивое, инертное, косное. Чуваши, при возбужденіи, бываютъ сильно дерзки, но эта дерзость скоро переходитъ въ непонятную трусость и робость.

⁽¹⁾ Рѣка Карла беретъ начало въ засурскихъ лѣсахъ, бѣжитъ съ З. на В. и впадаетъ, какъ мы сказали, въ рѣку Свіягу.

Рѣдко чувашанинъ бываетъ устойчивъ съ кѣмъ бы — то ни было въ борьбѣ. Въ борьбѣ, если только была такая, за свою національность и независимость, при вторженіи къ нимъ Татарской Орды, Чуваша не могли оказать большой стойкости и энергии и, по всей вѣроятности, пассивно подчинились Татарамъ, смиренно платя имъ наложенный ясакъ и въ этомъ, такъ сказать, политическомъ смыслѣ Татары ихъ называли Чувашами т. е. смиренными.

Чуваша не считаютъ себя аборигенами въ своей землѣ. Они считаютъ себя пришельцами, но откуда — не знаютъ. Это замѣчено большинствомъ этнографовъ чувашской мѣстности. А потому вопросы о древнемъ мѣстожителѣ Чувашъ, и о томъ, были ли Чуваша извѣстны исторіи прежде и подъ какимъ именемъ, занимали многихъ изслѣдователей, и приводили къ разнымъ догадкамъ и предположеніямъ. Прежде всего болѣе естественнымъ казалось предположеніе, что Чуваша тождественны съ Волжскими Болгарами, имя которыхъ исчезаетъ изъ нашихъ лѣтописей вскорѣ послѣ татарскаго разгрома. Это предположеніе казалось тѣмъ естественнѣе, что исторія застаётъ Чувашъ въ той же самой, и въ соприкасающейся къ ней непосредственно, территоріи, гдѣ жили Волжскіе Болгары. Развалины Болгарской столицы находятся на лѣвомъ берегу рѣки Волги, въ Спасскомъ уѣздѣ, Казанской губерніи, гдѣ нынѣ стоитъ село Успенское. О Болгарахъ, какъ о торговомъ и домовитомъ народѣ, упоминается у Арабскихъ писателей X вѣка. Ихъ борьба съ Русскими неоднократно описана и у нашихъ лѣтописцевъ. Но торговля и воинственность Болгаръ вовсе негармонируютъ съ свойствами чувашской народности, и неимѣютъ никакой аналогіи съ характеристическими чертами, рѣзко отличающими Чувашъ. Теперь умѣстенъ вопросъ: куда же дѣвались Болгары? Типъ лица Казанскихъ и Симбирскихъ Татаръ, рѣзко отличающійся отъ типа татаро-монгольскаго, ихъ торговые наклонности и домовитость невольно привели изслѣдователей къ заключенію, что Казанско-Симбирскіе Татары и есть потомки отатарившихся, если можно такъ выразиться, Болгаръ. Мы приведемъ описаніе того и другаго типа. По истори-

ку Соловьеву — Татары чисто монгольского типа имѣютъ такія отличительныя черты ихъ наружности: большее, чѣмъ у другихъ племенъ, разстояніе между глазами и щеками, выдавшіяся скулы, приплюснутый носъ, маленькіе глаза, не большой ростъ и рѣдкіе волосы на бородѣ. Дополнимъ это описаніе по Олеарию: „Ногайскіе, равно какъ и Крымскіе Татары тѣломъ тучны, коренасты, широколицы, имѣютъ маленькіе глаза и цвѣтъ кожи темно-желтоватый. У мужчинъ лице морщинистое... волосы на бородѣ рѣдкіе“. Теперь въ параллель этому вотъ описаніе Казанско-Симбирскихъ Татаръ: „Татары эти хорошо сложены; лицо у нихъ продолговатое; глаза сѣрые, либо черные, большіе, взоръ пронизательный, носъ длинный, нѣсколько горбоватый, и не большія скулы. Черепъ продолговатый и тонкій. Ростъ ихъ болѣе большой и походка важная. Живутъ очень опрятно, трудолюбивы, способны къ торговлѣ и разнымъ промысламъ. Отъ этого рѣдко встрѣчается бѣдность между ними. Почти никогда вы не увидите татарина нищаго“.

Болѣе правдоподобными кажутся тѣ ученныя предположенія и догадки, которыя отождествляютъ Чувашъ съ *Козирами*, съ степнымъ народомъ, жившимъ въ нижнемъ теченіи Волги, или — съ однимъ изъ племенъ, подвластныхъ Козарскому царству. Но это кажущееся правдоподобіе покоится не на какихъ либо историческихъ или устойчивыхъ лингвистическихъ данныхъ, а только на томъ, что вопросъ о самой народности Козарской, какъ замѣчаетъ Соловьевъ, нерѣшенъ точнымъ образомъ. Это былъ народъ, смѣшанный изъ разныхъ племенъ, исповѣдывавшихъ разныя религіи: языческую, магометанскую и христіанскую. Каганъ же, верховный повелитель Козаровъ, исповѣдывалъ еврейство, примѣръ, по замѣчанію Соловьева, единственный въ исторіи. По внѣшнему виду Френъ, (одинъ изъ ученыхъ изслѣдователей Козарства, какъ Григорьевъ и Языковъ) раздѣляетъ Козаръ на два племени: одно племя имѣло черноватый смуглый, цвѣтъ лица (*tusco colore*). Эта чернота производилась искусственно, чтобы красящимся казаться индѣйцами. Они назывались Кара (черный) Козаръ (*chasari nigri*); другое племя было бѣлое, отличавшееся

красотою и замѣчательною формою (*forma insignis*). Изъ предположенія, что Чуваши входили въ составъ Козарскаго царства, вытекъ поводъ къ рѣшенію вопроса о вліяніи Еврейства на Чувашъ. При этомъ категорически утверждается, что слова Чувашъ, характеризующія ихъ культурно религіозный бытъ, всё заимствованы отъ Еврейства, и, по всей вѣроятности, заимствованы въ то время, когда на низовьяхъ Волги жили Козары, *исповѣдывавшіе Еврейскую вѣру*. Миссіонеры Еврейства, дѣйствовавшіе *кратковременно*, все таки успѣли навязать Чувашамъ свои понятія такъ, что эти послѣдніе свои религіозныя представленія облекли Еврейскими словами. Да, Каганъ Козарскій исповѣдовалъ Еврейство, но, не говоря о народѣ, самый даже дворъ его состоялъ изъ разныхъ религіозныхъ элементовъ. Магометанство не кратковременно, а даже относительно очень долго тяготѣло надъ Чувашами, и все таки почти не оставило ни какихъ слѣдовъ на культурно-религіозномъ бытѣ Чувашъ.

✓ Одинъ изъ изслѣдователей Чувашской народности, Сбоевъ, отождествляетъ Чувашъ съ Аварами или Обрами. Но описаніе этой народности, какъ оно представлено въ нашей и западныхъ лѣтописяхъ, лишаетъ эту догадку всякой исторической правдоподобности, неговоря объ исторической достовѣрности.

Не оставили ли Чуваши какихъ либо слѣдовъ своего ранняго, болѣе южнаго мѣста жительства, нежели въ какомъ ихъ застала исторія, и не сохранилось ли въ исторіи какого либо указанія на то время, когда они заняли извѣстную уже намъ территорію?— Вотъ вопросы, на которые мы должны отвѣчать, обуславливая отвѣты тѣми данными, которыя у насъ находятся подъ руками, не вдаваясь слишкомъ много въ область догадокъ и предположеній.

Почти во ста верстахъ на югъ отъ Карлинской, уже извѣстной намъ, Черты ⁽¹⁾ лежало при Волгѣ урочище, извѣстное

(1) Чарта эта сохранилась доселѣ въ Буинскомъ уѣздѣ Симбирской губерніи. Она состояла изъ вала съ земляными насы-

подъ именемъ *Синбирской* горы. Адамъ Олеарій оставилъ намъ такое описаніе этой мѣстности: „Мы оставили за собой (на правой сторонѣ Волги) -два прекрасныхъ на видъ мѣста, на которыхъ нѣкогда стояли города, и дальнѣйшій изъ нихъ *Синбирская гора*. Этотъ городъ разрушенъ былъ Тамерланомъ“..... (недалеко отъ Симбирской горы) и мы переплыли (тоже на правой сторонѣ Волги) позади горы *Арбухинъ*. Гора эта удержала имя свое отъ города, который когда-то находился на ней. Въ этой мѣстности на правомъ берегу страна уже не такъ высока, безъ кустовъ, и представляетъ прекрасную жирную почву. На ней вездѣ растетъ сочная трава, остающаяся, впрочемъ, безъ употребленія, и самая мѣстность не обитаема. Тамъ и сямъ виднѣются признаки и слѣды бывшихъ когда-то городовъ и селъ, которые всѣ были разрушены и опустошены нашествіемъ Тамерлана“.

Такъ записалъ Олеарій названіе мѣстностей, само собою понятно, со словъ русскихъ приставовъ и русскихъ лодмановъ, провожавшихъ Голштинское посольство внизъ по Волгѣ.

Почти во ста верстахъ отъ Синбирской горы внизъ по Волгѣ, на томъ же правомъ берегу, лежало *Сингилейское* (правильнѣе *Синкилейское*) ущелье, представляющее изъ себя лощину между горъ, отлого спускающихся съ обѣихъ сторонъ къ Волгѣ. Въ лощинѣ этой были то же слѣды разрушеннаго укрѣпленія. Спустимся Волгою еще ниже по тому же правому берегу до рѣки Сызрана, отъ которой получилъ имя основанный въ 1683 г. на ней г. Сызранъ. Этотъ городъ лежитъ на плоской возвышенности, отлого спускающейся къ рѣкѣ Волгѣ. Въ уѣздахъ Симбирскомъ, Сингилейскомъ и Сызранскомъ доселѣ сохранились остатки городищъ, земляныхъ окоповъ, рововъ и тому подобныхъ сооружений. Въ Симбирскомъ уѣздѣ эти остатки въ дачахъ селъ Кременокъ и Кривушъ; въ Сингилейскомъ —при селеніяхъ Ела-

пями. На ней еще нѣтъ слѣдовъ и указаній для артиллерійскихъ приспособленій. Авторъ на довольно большомъ протяженіи видѣлъ ее самолично.

урѣ, Тукшумѣ, Буеракѣ и Мордовѣ; въ Сызранскомъ—у пригородовъ: Кашира и Канадея и села Старыхъ Костычей; при двухъ послѣднихъ еще не въ очень недавнее время, какъ замѣчено въ Симбирскомъ статистическомъ сборникѣ, существовали развалины каменныхъ зданій.

Изъ изложеннаго нами необходимо слѣдуетъ то, что, когда Русскіе проводили Карлинскую черту, южную границу своей восточной украины, на югъ отъ этой черты въ огромныхъ безмолвныхъ стенахъ, внизъ по Волгѣ, были безмолвные свидѣтели прошедшей здѣсь жизни какого-то народа. Развалины городовъ и селъ указывали, что эта жизнь прекращена насильственно вторженіемъ какой нибудь дикой орды. Эти свидѣтели указывали также на то, что народъ здѣсь жилъ осѣдло, и, пожалуй, политическою жизнью. Но тутъ главное то, что, какъ мы видѣли, нѣкоторыя мѣстности сохранили за собой какія-то *нерусскія названія*, названія, которыя даны имъ, безъ всякаго сомнѣнія, ихъ прежними обитателями. Около ста лѣтъ спустя, какъ Русскіе провели границу своей восточной украины, они начали колонизовать эти стены. Въ 1648 г. на Синбирской горѣ построенъ г. Синбирскъ; въ 1666 г. въ Синкилейскомъ ущельи появилось поселеніе Синкилейское; въ 1683 г. на рѣкѣ Сызранѣ построенъ г. Сызранъ. Всѣ три города съ нерусскими именами. Съ построеніемъ городовъ начали появляться русскія села, и то же многія изъ нихъ—съ *нерусскими именами*. Итакъ на югъ отъ Русской восточной украины появилось три русскихъ города и много русскихъ селъ съ нерусскими именами. Очевидно, что Русскіе свои новые города и многія новыя села назвали не русскими именами, а именами—тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ они были построены.

Теперь вопросъ: какой народъ далъ названіе этимъ мѣстностямъ?—Отвѣчаемъ: Чуваши. Синбирскъ, Синкилей и Сызранъ—слова чисто Чувашскія. Синбирскъ состоитъ изъ двухъ Чувашскихъ словъ „Синь“—*новый* и *пюртъ*—дворъ; Синкилей—изъ *Синь*—*новый* и *килг*—*домъ*. Сызранъ—изъ *сы* или *сый*—*здоровье*, *Азю*—*Богъ производитель*, и *ранъ*—предлогъ *отъ*

и буквально значитъ: источникъ „здоровья Божія“. Чтобы легче было понять видоизмѣненія Чувашскихъ словъ въ Русскихъ названіяхъ, приведемъ нѣсколько примѣровъ этихъ видоизмѣненій въ названіяхъ чисто чувашскихъ селъ. Изъ чувашскаго названія *той-зенъ* — горы вышло село Тойси. Изъ названія деревни — *Вуда* — *ялз* вышла деревня Водолей (*Вуда* — середина и *ялз* — деревня, срединная деревня, лежащая между двумя равно отъ нея отстоящими деревнями). Изъ названія деревни *Акз* — *пюртъ* — *возз* — *дворъ* — *поселеніе*, (деревня лежащая въ ложинѣ и появляющаяся вдругъ предъ глазами) вышло *Ахпирдино*. Названіе Хомбузи вышло изъ *хомз* — конскій и *пузъ* или пузя — голова (*конская голова*) селеніе, лежащее на полянѣ лѣснаго урочища, имѣющаго видъ очертанія конской головы. Батырево вышло изъ *батырз* — *ялз*. *Батырз* — сильный многолюдный: деревня съ большимъ количествомъ душъ. Изъ *Пуана* — *сильный, богатый* — вышелъ городъ Буинскъ. Изъ *Арыкз*, искусственный, вырытый источникъ, вышла — Ерыкла (*ла*, какъ мы выше замѣтили; чувашская форма прилагательнаго). Съ именемъ Ерыкла извѣстны два русскихъ села въ Сингилейскомъ уѣздѣ, слѣдовательно, въ той мѣстности, которую мы считаемъ прежнимъ обитаніемъ Чувашъ. Въ трехъ уѣздахъ названныхъ нами городовъ находится болѣе тридцати селъ русскихъ, носящихъ чувашскія названія. Нѣкоторыя изъ этихъ названій, оставленныхъ чувашами въ наслѣдство и усвоенныхъ русскими селами, Чуваша перенесли въ мѣсто своего новаго обитанія — въ засурскіе лѣса. Таковыя, напр., селенія: Байтеряково, Кубня и Куб — ра, Цыльна, Шемурша.

Самое собою понятно, что Чуваша не изъ — за своихъ засурскихъ лѣсовъ не изъ — за Карлинскаго вала давали свои чувашскія названія Синбирскимъ и Синкилейскимъ развалинамъ, рѣкѣ Сызрану и многимъ другимъ урочищамъ, по именамъ которыхъ названы русскія села, а сообщили чувашскія имена этимъ урочищамъ тогда, когда здѣсь сами они жили. Имена „новый домъ“ „новый дворъ“ показываютъ, что и здѣсь Чуваша не были аборигенами, а были только колонизаторами и заняли эти

мѣста при своемъ движеніи съ юга. Вопросъ:— почему съ юга, а не съ другой стороны—удовлетворительно рѣшается общимъ направленіемъ движенія Туранскихъ племенъ, къ которымъ принадлежатъ и Чуваши.} Такъ мы рѣшаемъ вопросъ о прежнемъ мѣстѣ жительства Чувашъ. Теперь переходимъ къ рѣшенію втораго, поставленнаго нами, вопроса: не были ли Чувашаи извѣстны исторіи подъ своимъ національнымъ именемъ?

Подъ 1229 г. наши лѣтописи упоминаютъ, что *Саксинны* и Половцы прибѣжали съ низовьевъ Волги къ Болгарамъ, гонимые Татарами. Говорить о разгромѣ половецкихъ вежей дѣло не наше. Мы укажемъ только, что разгромъ половецкихъ вежей произведенъ Татарами въ 1224 г. Отсюда можемъ догадываться, что толпы Половцевъ укрылись на время у Саксиновъ, и, вмѣстѣ съ ними, потерпѣвъ новый разгромъ, бѣжали на сѣверъ къ Болгарамъ. Скоро и до послѣднихъ дошла очередь татарскаго разгрома, который и потерпѣли они въ 1236 г. [На вопросъ, что за народъ Саксинны? мы отвѣчаемъ: это Чувашаи подъ своимъ Туранскимъ, такъ сказать, національнымъ именемъ. Слово Саксинъ состоитъ изъ двухъ словъ *Сакъ* и *Синъ*. *Сакъ*—значить мѣсто отовсюду защищенное; отсюда *сакъ*—торговая лавка, зданіе, находящееся подъ защитой и карауломъ, и извѣстная рыболовная снасть; отсюда же и *Сакмаръ* (*маръ* отрицательная частица *не*), открытое, незащищенное мѣсто. *Синъ*—значить человѣкъ, мужъ, имѣющій какое либо общественное значеніе (какъ „мужъ“ русской правды); слѣдовательно, Саксинны—это люди защищенные, или находящіеся подъ крѣпкой защитой.

Отождествляя Чувашъ съ Саксинами, мы тѣмъ самымъ признаемъ, что они-то, Саксинны, и были жителями тѣхъ городовъ и мѣстностей, которые сохранили свои Саксинскія—Чувашскія—названія: Синбирска, Синкилея и Сызрана. Остались ли какія Саксинскія или Чувашскія названія за мѣстностями, лежащими ниже Сызрана, въ Саратовской губерніи, занеимѣніемъ подъ руками должныхъ источниковъ, ничего опредѣленнаго сказать не можемъ; а слѣдовательно не можемъ, хоть гадательно и прибли-

зительно, опредѣлить пространство и предѣлы Саксинской земли. Это могли бы сказать только Арабскіе писатели, когда калифатъ завелъ торговыя сношенія съ Болгарами. Мы можемъ сказать только то, что земля Саксиновъ потеряла пораженіе отъ Татаръ не тотчасъ, а спустя нѣсколько годовъ послѣ пораженія, понесеннаго Половцами. Слѣдовательно, между волжско-донскими степями и землей Саксиновъ было довольно широкое пространство. Это разстояніе можно гадательно опредѣлить нынѣшнимъ разстояніемъ г. Камышина до г. Сызрана. Вотъ почему часть половецкихъ остатковъ легко могла укрыться на время въ землѣ Саксинъ. Теперь, послѣ разгрома, Саксины, выкинутые изъ своихъ жилищъ, очутились на сѣверѣ — въ землѣ Болгаръ, и слѣдовательно рядомъ съ той мѣстностію, въ которой застаётъ ихъ исторія, но уже подъ другимъ именемъ. Болгарамъ не долго пришлось ждать развязки своего жребія. Этотъ-то разгромъ, окончательно сломившій Болгарское царство, втиенуль, можно сказать, Саксинъ въ дикіе и непроходимые засурскіе лѣса. Это-то обстоятельство, по всей вѣроятности, и было причиной того, что Саксины сохранили свою національность, и не погибли окончательно въ татарскомъ разгромѣ, какъ погибли въ немъ болѣе ихъ стойкіе — Половцы и Болгары. Саксины заплатились только потерю своего національнаго имени.

Мы въ своемъ мѣстѣ сказали, что Болгары *отатарились*, т. е. слились съ Татарами, принявъ ихъ культуру, и сохранивъ наружный типъ своей отличительной народности. Куда дѣвались тѣ остатки Половцевъ, которые прибѣжали къ Болгарамъ съ Саксинами? — Они, по всей вѣроятности, осаксинились, т. е. слились съ Саксинами, принявъ ихъ національную культуру. Несчастіе сблизило Половцевъ съ Саксинами. Новое несчастіе соединило ихъ въ одинъ бѣгущій народъ на сѣверѣ. Здѣсь, въ царствѣ Болгарскомъ, ново-пришлецы не могли составить какого либо граждански устойчиваго элемента, тѣмъ болѣе, что каждый годъ, каждый день давалъ знать о приближеніи страшной, несокрушимой силы татарскихъ полчищъ. Какъ оторванные отъ одного берега, и непроставшіе къ другому, Саксины и Половцы

должны были сплотиться между собою и понести одну долю, т. е. быть вмѣстѣ втиснутыми въ засурскіе лѣса, гдѣ уже Половцамъ неумѣстно было и думать вести кочевую жизнь привольныхъ степей. Потерявъ подъ ногами почву для кочевой жизни, Половцы должны были принять культуру осѣдлой жизни Саксиновъ. Вмѣстѣ съ земледѣльческой культурой Половцы должны были волей — неволей принять и весь строй быта Саксинскаго, однимъ словомъ, „очувашииться“. Если мы внимательно будемъ вематриваться въ наружный типъ чувашской народности, то необходимо придемъ къ заключенію, что это племя не состоитъ изъ одной народности, что въ немъ есть элементъ пришлый, прежде чуждый этому племени. Особенно это замѣтно въ цвѣтѣ лица. Впрочемъ, это только наша догадка. Но кто лично наблюдалъ чувашскую народность, тотъ съ нами, пожалуй, согласится, что эта догадка имѣетъ за собой большую долю правдоподобности.

Мы сказали, что царство Болгарское пало окончательно. Скоро Татары образовали здѣсь осѣдлую жизнь, и Казанское царство наложило свою руку на Саксинъ, давъ имъ свое имя — Чувашъ — смирные. Это-то скорое образованіе осѣдлаго Казанскаго царства, вѣроятно, и было причиной того, что надолго задержалось обратное стремленіе Саксинъ — Чувашъ на югъ въ привольную степь на тучныя почвы ихъ прежняго мѣста жительства. Да и не было къ тому возможности: здѣсь — въ степяхъ „Змѣй Горынычъ“ поѣдалъ своихъ дѣтей: одни улусы уничтожались другими. Этому также, т. е. неподвижности Чувашъ на новомъ мѣстѣ жительства, можетъ быть, способствовалъ и самый складъ политической, если можно такъ выразиться, жизни Чувашъ. На этой сторонѣ дѣла мы и должны немного остановиться.

Развалины городовъ и селъ, въ которыхъ мы признали древнія жилища Чувашъ, невольно ведутъ насъ къ заключенію, что у народа, здѣсь жившаго, былъ свой осѣдлый гражданскій строй. Но безмолвныя развалины, какъ безмолвные свидѣтели, ничего не могутъ намъ сказать о томъ, какія были и въ чемъ состояли внутреннія стороны этого строя. Мало мальски удовлетворительной разгадки этого строя мы должны искать въ историчес-

кихъ указаніяхъ, которыхъ почти нѣтъ, а главное — въ представленіяхъ самыхъ Чувашъ, насколько языкъ ихъ сохранилъ эти представленія. Мы не будемъ далеки отъ правды, если будемъ утверждать, что все изслѣдователи Чувашскаго быта раздѣляютъ съ нами мысль, что Чувашское племя едва ли когда нибудь жило самостоятельною гражданскою жизнію, что Чуваши всегда должны были находиться въ зависимости отъ другихъ, болѣе предприимчивыхъ племенъ, должны были находиться подъ ихъ защитой, однимъ словомъ — должны быть „Саксинами.“ Подъ чьей же властью и защитой должны были находиться Саксины, какъ жители указанной нами мѣстности и указанныхъ нами городовъ? Въ Арабскихъ лѣтописяхъ между городами, подвластными Болгарамъ, упоминаются Сиваръ и Синпирскъ. Нѣкоторые изъ ориенталистовъ отождествляютъ эти города, т. е. принимаютъ за одинъ городъ. Мы должны сказать, что это совершенно справедливо: *Сиваръ*, выражаясь языкомъ синтаксиса, есть только „опредѣлительное слово“. *Сиве* — по русски значить *холодъ* и *аръ* — *стремительный, ярый, рѣзкій*. Такой эпитетъ вполне приличенъ Симбирску, стоящему на крутой, открытой горѣ. Слово — *Арбухинъ*, упоминаемое Олеаріемъ и относящееся къ одной изъ горъ близъ Симбирска, тоже происходитъ отъ Чувашскихъ — *Аръ* и *Пузь* (голова) и означаетъ: „гора стремительно поднимающейся головы.“ Изъ того обстоятельства, что Арабскіе писатели, вообще скудные на извѣстія о чужихъ земляхъ, нашли нужнымъ упомянуть о Синпирскѣ, можно заключить, что это былъ лучший и главный городъ Саксиновъ. А какъ онъ находился въ зависимости отъ Болгаръ, (Арабы причисляютъ его къ болгарскимъ городамъ), то, съ вѣроятностію, можно заключить, что Саксины были въ зависимости отъ Болгаръ, хотя не входили, какъ особое племя, въ составъ Болгарскаго царства; они находились подъ номинальной защитой этого царства, подъ которую и прибѣгли они послѣ татарскаго разгрома. Живя въ городахъ и селахъ, удерживая свой бытъ, свой религіозный культъ, Саксины — Чуваши должны были имѣть своихъ „служилыхъ людей“, — своихъ, выражаясь Чувашскимъ языкомъ, *исля* — *Синъ* (служилый человекъ). Это

предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что Чуваши — Саксины въ своей новой территоріи, находясь подъ властію Казанскаго царства, имѣли своихъ представителей, своихъ высшихъ служилыхъ людей, которымъ наши лѣтописи даютъ титулъ князей. Таковы князья: Бурнашъ, и Чап—кунъ (*кунъ* — день.) Бурнашъ — отъ *бурнасъ* — жить, (*бурнысь* — жизнь), значитъ „живой, дѣятельный“ а Чапкунъ — значитъ — *шумливый, не прямой день*) (1). Чувашскій языкъ сохранилъ слова, которыя показываютъ, что Чуваши имѣли свои твердыя представленія о гражданскомъ, политическомъ жизненномъ строѣ. Царскій престолъ у нихъ называется *вырымъ*, а царство — *выгизъ*. Оба слова происходятъ отъ *вы* или *вий* — *сила*. Царь назывался — *Юмва* — *просвѣтленный, вдохновенный*. Въ послѣдствіи, подъ властію Татаръ, Царь у Чувашъ получилъ названіе „Падша“ (отъ Пади — Шахъ), а царство — *падишалахъ*. Эти названія крѣпко удержались у большинства современныхъ Чувашъ.

Изъ того обстоятельства, что Саксины не упоминаются въ борьбѣ русскихъ съ болгарами, можно вывести такія заключенія: 1) что русскіе походы въ мордовскую и болгарскую землю не спускались на югъ до черты нынѣшняго Симбирска, и слѣдовательно Русскіе не были знакомы съ особенностями домашняго быта Саксиновъ, чтобы занести ихъ въ лѣтописи, какъ особыхъ „Саксинскихъ людей“. Не зная особыхъ національных проявленій быта Соксиновъ, русскіе легко могли сливать ихъ съ болгарами, и 2) что Саксины могли вовсе не участвовать въ борьбѣ Болгаръ съ Русскими, оставаясь нейтральными во всякой борьбѣ болгарской, и не несли никакихъ воинскихъ повинностей Болгарскаго царства, платя за свой нейтралитетъ и свободу отъ всякой воинской повинности Болгарамъ извѣстный условный *калымъ* — *Исакъ — дань*. Тѣмъ болѣе это возможно, что Чуваши совершенно не воинственное племя, и что, слѣдовательно, было

(1) Отсюда *Чап—касы* — названіе многихъ Чувашскихъ селъ. *Касы* или *Касия* — значитъ поселенію, окрѣпость. Это слово общее „Чувашскимъ и Мордовскимъ людямъ“.

въ ихъ исторической судьбѣ постоянное стеченіе такихъ обстоятельствъ, которыя въ борьбѣ за существованіе не дали мѣста никакому развитію чувашской національной воинственности.

Теперь кратко коснемся исторической судьбы Чувашъ съ того времени, какъ это племя подпало подъ власть Русскихъ. Это дастъ намъ возможность выяснитъ инородческую колонизацію сѣверо-восточной части Самарской губерніи.

Обладая верхнимъ теченіемъ Волги, Русскіе въ XII и XIII вѣкахъ дѣятельно стремились на востокъ къ среднему теченію Волги, захватывая землю „Мордовскихъ людей“ и громя царство Болгарское. Татарскій разгромъ приостановилъ на время это движеніе. Но какъ только Русь почувствовала свою силу, это движеніе, хотя медленнымъ шагомъ, Русскіе возобновили. Въ 1376 г. воеводѣ Дмитрія Донскаго, Михаилу Волынскому, удалось подступитъ къ Казани и наложить на нее дань. Основаніе г. Курмыша ⁽¹⁾ въ 1372 г. давало знать инородцамъ, что Русскіе настойчиво будутъ продолжать свое стремленіе къ своему естественному распространенію на востокъ.

Почти на прямой линіи отъ г. Курмыша на востокъ 24 Мая 1550 г. заложенъ Свѣяжскъ. Немедленно, по построеніи Свѣяжска, *горные* инородцы стали проситься въ русское подданство, „чтобы Государь ихъ пожаловалъ... велѣлъ имъ быть у Свѣяжскаго города, воевать бы ихъ не велѣлъ, да пожаловалъ бы ихъ Государь: облегчилъ ихъ въ *ясаки* (дани), и далъ бы имъ свою грамоту жалованную, какъ имъ впередъ быть“. Государь (Іоаннъ Грозный) ихъ пожаловалъ: далъ грамоту съ золотою печатью и *ясаки* отдалъ имъ на три года. Воеводамъ велѣно было смотрѣть „прямо ли стануть (горные люди) служить Государю“. Воеводы привели къ присягѣ Черемисъ, *Чувашъ*, Мордву, и послали ихъ противъ Казанскихъ Татаръ. Хотя подъ Казанью Черемисы и Чувашы потерпѣли сильное пораженіе, но показали „свою вѣру и службу“. Князья и мурзы ихъ стали ѣздить въ Москву;

(1) *Курмышъ* съ мордовскаго языка—значитъ „разбросанный поселокъ“.

Государь ихъ жаловалъ: „князей, мурзь и сотныхъ начальниковъ“ поилъ и кормилъ у себя за столомъ, дарилъ шубами, доспѣхами, конями и деньгами.

Отпаденіе „горной стороны“ къ Москвѣ сильно встревожило Татарь. Когда царемъ Казанскимъ сдѣлался Шигъ-Алей, подручникъ Іоанна, Алексѣй Адашевъ объявилъ ему, что Государь жалуетъ ему Казанское царство съ луговою стороною и Арскою (сѣверъ—къ Вяткѣ), но *горная сторона* отойдетъ къ Свѣяжску, потому что Государь саблю взялъ ее. Шигъ-Алей, хорошо зная настроеніе Татарь, просилъ Іоанна Грознаго, „чтобы Государь пожаловалъ, *горную сторону* ему уступилъ, или хоть бы далъ нѣсколько ясаковъ съ нея“. Послѣднія слова показываютъ, какъ мало Шигъ Алей надѣялся на свою просьбу. И дѣйствительно Грозный велѣлъ отвѣчать, что (не только не отдастъ горной стороны) „Онъ съ горной стороны не уступитъ Казани ни одной деньги“. Это было въ 1551 г. Въ этомъ же году воеводѣ Палецкому, жившіе на Свѣягѣ князья, Чанкунъ и Бурнашъ (съ именами которыхъ мы познакомились прежде) сказали, что Казанцы скоро непремѣнно измѣнятъ, тогда и *горныхъ* не удержишь. Чанкунъ и Бурнашъ были князья вліятельные, и имѣли большое значеніе въ самой Казани, и многократно были посредниками въ переговорахъ Русскихъ съ Казанцами.

Наступилъ 1552 годъ, роковой для Казани. Казанцы, изгнавъ Шигъ-Алея, послали къ Ногайцамъ просить себѣ царя, начали войну съ Русскими, и „стали приходять на *горную* сторону, отводить ея жителей отъ Москвы“. Но-*горные* (т. е. люди) побили отрядъ Татарскій, взяли въ плѣнъ двухъ князей, которыхъ и казнили Русскіе воеводы. Но Татарскіе эмиссары дѣйствовали въ нагорной сторонѣ, и ихъ дѣятельность скоро сказалась. Въ Мартѣ мѣсяцѣ 1552 г. Іоаннъ получилъ отъ князя Микулинскаго извѣстіе, что „горные люди волнуются, многіе изъ нихъ ссылаются (т. е. сносятся) съ Казанцами, да и во всѣхъ мало правды, непослушаніе большое“. Посланные вслѣдствіе этого къ Свѣяжску князья Александръ Горбатый и Петръ Шуйскій донесли Іоанну: „Горные люди измѣнили всѣ, сложились

съ Казанью и приходили къ Свіяжску на воеводскія стада“. Но эта смута не могла уже долго продолжаться: Русскіе наложили уже свою руку на нагорныхъ людей. Царь въ походѣ. И вотъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ его извѣстили въ г. Муромѣ, что князь Микулинскій и бояринъ Даніилъ Романовичъ ходили на *горныхъ людей*, и разбили ихъ, и что горные люди по Свіягу рѣку и внизъ по Волгѣ снова присягнули Государю. На рѣкѣ Сурѣ дали знать царю, (тутъ были и посланцы отъ горныхъ людей,) что теперь уже все горные люди добились челомъ и приложились къ Свіяжску, т. е. признали Русскую власть. За рѣкою Сурою Іоаннъ соединился съ другими воеводами, шедшими на Казань. 13 числа Августа достигъ Свіяжска. Почти отъ Мурома до Свіяжска весь путь былъ совершенъ инородческими лѣсами. Лѣтописецъ не упоминаетъ о какихъ либо враждебныхъ дѣйствіяхъ инородцевъ. Въ общемъ его отзывъ благопріятствуетъ имъ. Начиная съ 9 по 12 и далѣе все царскіе станы были въ землѣ Чувашской: съ 9 по 12 въ предѣлахъ Симбирской губерніи, а далѣе — Казанской губерніи. Девятый станъ былъ на рѣкѣ Яклѣ. (Як — по русски значитъ надежная, тихая рѣка). Десятый на рѣкѣ Чавлѣ, (Чав-ла — звучный), одиннадцатый — на рѣкѣ Карлѣ, прежде нами упомянутой; двѣнадцатый — на рѣкѣ Булѣ ⁽¹⁾.

Казань не разъ указывала Русскимъ, что подъ ея властію живутъ семь языковъ (т. е. народовъ). И Курбскій пишетъ тоже самое: „Горше всехъ отъ царя Казанскаго... иже подъ властію своею имѣлъ шесть (кромѣ Татаръ) языковъ различныхъ, ими же безчисленное и неисповѣдимое плѣненіе и кровопролитіе учинялъ“.. Вотъ эти народы: въ нагорной сторонѣ — Мещеряки, Черемисы, Мордва и Чуваши; въ луговой сторонѣ — Татары, Вотяки и Башкиры. Башкиры — это народъ Туранскаго племени. Чуваши ихъ зовутъ „Нугайка“ и слѣдовательно смѣшиваютъ

(1) Рѣка Була (по русски рыба — содержащее вмѣсто содержащаго) беретъ свое начало, какъ и рѣка Карла, въ засурскихъ лѣсахъ. Теченіе ея почти параллельное рѣкѣ Карлѣ. Впадаетъ то же въ рѣку Свіягу.

ихъ съ Ногайцами. Изъ Мордвы дѣятельное участіе въ борьбѣ Русскихъ съ Татарами принималъ мордовскій князь Камай ⁽¹⁾. Казань была взята.

Іоаннъ Грозный разослалъ по всеѣмъ улусамъ чернымъ ясапнымъ людямъ жалованныя грамоты: „они бы платили ему ясакъ, какъ прежнимъ Казанскимъ царямъ“. Всеѣ инородцы изъявили готовность платить ясакъ Русскимъ. Дѣло, повидимому, кончилось. Но вотъ 20 Декабря 1552 г. царю дали знать, что луговые и *горные* люди побили на Волгѣ гонцовъ, купцовъ и боярскихъ дѣтей. Вслѣдствіе этого воевода Борисъ Солтыковъ обыскалъ у *горныхъ* людей 74 человекъ разбойниковъ, которые и были казнены. Отсюда понятно, что въ нагорной сторонѣ не было какого либо массоваго возбужденія: горные люди—остались инертны, сообразно своему основному характеру. Не то было у инородцевъ луговой стороны. Здѣсь возстаніе приняло характеръ открытаго мятежа. Здѣсь Русскимъ еще не начто было опереться. Въ концѣ Марта 1553 г. Солтыковъ *вмѣстѣ съ горными людьми* потерпѣлъ сильное пораженіе отъ мятежниковъ луговой стороны. Почему воевода Адашевъ перешолъ на луговую сторону, гдѣ борьба продолжалась до 1557 г., и въ этой борьбѣ Русскіе въ первый разъ встрѣтились съ Ногайцами, съ которыми до сихъ поръ не было у Русскихъ явно враждебныхъ столкновеній. Для своей опоры и для защиты нагорной стороны отъ луговой и кочующихъ Ногаевъ Русскіе построили въ 1555 г. г. Тетюши, отъ котораго и потянулось на западъ къ г. Алатырю искусственное укрѣпленіе, составившее южную границу Русской восточной ок-

(1) Владѣнія Камая лежали въ западномъ углу нынѣшняго Ардатовскаго уѣзда Симбирской губерніи. Одинъ изъ его потомковъ, единоименный ему, принималъ участіе вмѣстѣ съ другими мордовскими князьями въ договорѣ Мордвы съ князьями Куракиными—въ началѣ царствованія Іоанна и Петра. Камай оставилъ свое имя одной изъ горъ западной стороны Ардатовскаго уѣзда Симбирской губерніи. У него было свое „знамя“, по нашему -- печать.

раины. По этому-то вездѣ мы и встрѣчаемъ русскія поселенія въ инородческой землѣ. Особенныхъ укрѣплений здѣсь было не нужно: еще Шигъ-Алей, при сборѣ Грознаго въ походѣ на Казань, говорилъ царю: „Казанская земля сильно укрѣплена природою, лежитъ въ лѣсахъ, озерахъ и болотахъ“. Но это непомѣшало враждебнымъ намъ Ногайцамъ, въ смутное время междоусобицы, вторгнуться въ горную сторону, и, выдержавъ, должно полагать, бой съ горными людьми при селѣ Кіятѣ, Буинскаго уѣзда, Ногайцы прошли засурскіе лѣса, перешли рѣку Суру, начали громить землю мордовскую въ нынѣшнихъ Алатырскомъ и Ардатовскомъ уѣздахъ Симбирской губерніи. Но инородцы „показали свою вѣру и службу“: Мордовскій князь Баушъ или Баюшъ разбилъ ихъ на голову „въ воротѣхъ Ардатовскаго лѣса“. Жалованная грамота князю Баюшу за подписомъ Трубецкаго и Пожарскаго.

До 1670 г. исторія почти вовсе не упоминаетъ о горныхъ инородцахъ Поволжья. Разинскій бунтъ, возмущившій весь юго-востокъ Русскаго царства, привелъ въ волненіе всѣ инородческіе элементы этого края. Въ немъ приняли участіе и Чуваши. 4 Сентября Разинъ подступилъ къ Симбирску, гдѣ вступилъ въ бой съ княземъ Юріемъ Никитичемъ Барятинскимъ, который и отступилъ къ городу Тетюшамъ. Во время этого отступленія силы Разина день отъ дня увеличивались приходомъ Чувашъ, Мордвы и Русскихъ крестьянъ. Къ 1 Октября Барятинскій опять подошелъ къ Симбирску, выдержавъ отъ устьевъ рѣки Казани четыре боя съ воровскими казаками, Татарами, Чувашами, Черемисами и Мордвою. Стенька былъ разбитъ „въ пухъ и прахъ“. Но бунтъ пылалъ на всемъ пространствѣ между Окою и Волгою. Еще во время стоянки Разина подъ Симбирскомъ, „толпа воровъ“ съ атаманомъ Максимомъ Осиповымъ двинулась на сѣверо-западъ къ городу Алатырю. Сжегши этотъ городъ, толпа двинулась на сѣверъ—въ нагорную сторону. Гг. Курмышъ, Ядринъ, Василь-Сурскій, Цывилъскъ, Чебоксары, Космодемьянскъ и Свѣяжскъ—все передались „ворамъ“. У Осипова изъ толпы Разинской всего было донскихъ казаковъ сто человѣкъ.

Но къ нему нахлынули толпы Татаръ, Мордвы и Чувашъ, и сила Осипова превышала пятнадцать тысячъ человѣкъ. Для умирения горныхъ людей—Чувашъ и Черемись, вскорѣ послѣ разбитія Разина, съ половины Октября, началъ дѣйствовать князь Даниилъ Барятинскій. Къ 1 Января 1671 г. вся область между Сурой и Волгой утихла. Жители присягнули Государю. Мятежь кончился.

Священникъ *Іоаннъ Архангельскій*.

(Продолженіе будетъ).

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

Поступила въ продажу въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ магазинахъ г. Кіева, вновь вышедшая 3 изданіемъ книжка:

ВЪРЮЧЕНІЕ ЯЗЫКУСКИХЪ ШТУДИСТОВЪ

Разобран. на основ. Св. Писанія, подъ руководствомъ Епископа Теофана—А. Ушинскимъ. Цѣна 1 руб.; но выписыв. отъ Н. М. Дроби (Кіевъ, Златоустовская д. № 50) пересылку не платятъ и при выискѣ не менѣе 5 экз. ц. 80 к. за экз. съ пересылкою.

НОВАЯ КНИГА:

ИСТОРІЯ ПЕРВОБЫТНОЙ ХРИСТИАНСКОЙ ПРОПОВѢДИ (ДО IV ВѢКА).

Соч. Профессора С.-Петербургской Духовной Академіи Николая Барсова. Спб. 1885. Цѣна 2 р. 50 к. Выписывающіе отъ автора за пересылку не прилагаютъ (адресъ: С.-Петербургъ, Духовная Академія).

Того же автора: 1) **Историческе и критическе опыты**. т. 1-й. Спб. 1878 г. (536 стр.) Цѣна 3 р. съ перес. 2) **Матеріалы для біографіи архіепископа Иннокентія Борисова**. Выпускъ 1-й. Спб. 1884. Цѣна 2 р.

САМАРСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

№ 14-й.

1886 г.

іюля 15-го

Годъ двадцатый.

Ч А С Т Ъ Н Е О Ф И Ц І А Л Ь Н А Я

СОДЕРЖАНІЕ: Очеркъ чувашской народности.—(Продолженіе).—Объявленія.

ОЧЕРКЪ ЧУВАШСКОЙ НАРОДНОСТИ.

І.

(Продолженіе).

Разинскій бунтъ, взволновавшій всю восточную украину Россіи, далъ сильный толчекъ русской колонизаціи въ Поволжье. Когда русская колонизація приняла, еще до Разина, массовое движеніе внутрь инородческаго края, Мордва измѣнила своимъ домашнимъ пенатамъ и могиламъ своихъ отцовъ. Она бросилась къ переселеніямъ, нестѣсняясь разстояніями, и достигла береговъ Иргиза и верховьевъ рѣки Самары. Эти переселенія во многихъ случаяхъ были—простое бѣгство, такъ что многіе дворы и цѣлыя деревни по писцовымъ книгамъ оказались пустыми, „спешенными въ иныя мѣста, или неизвѣстно куды“. Русскіе съ тощей почвы береговъ Оки и даже отъ Новгородской области, ⁽¹⁾ охотно занимали эти мѣста. Но у Чувашъ, если и было такое пере-

⁽¹⁾ Каковое, напримѣръ, поселеніе съ своими людьми боярскихъ дѣтей, Іевлевыхъ, въ предѣлахъ Ардатовскаго уѣзда Симбирской губерніи.

селеніе, то не въ большемъ размѣрѣ. Мы уже упоминали о русскихъ селеніяхъ въ чувашской землѣ. Вообще, среди Чувашъ мало попадается русскихъ поселеній. Чувашское племя, какъ самое непредприимчивое, инертное, и въ то же время чрезвычайно преданное своей старой насиженной почвѣ, туго поддавалось колонизаціонному движенію. Будучи тѣсно, оно снималось, но туго подвигалось на новыя мѣста. Слѣдовательно, для русской колонизаціи здѣсь не было простора: здѣсь было тѣсно и безъ Русскихъ. Но нельзя же было Чувашамъ навсегда оставаться въ предѣлахъ той территоріи, въ какихъ они находились при своемъ вступленіи въ русское вѣрноподданничество. По естественному приросту населенія, Чуваши должны были выдвинуться за искусственную Карлинскую черту на югъ, въ предѣлы нынѣшняго Симбирскаго уѣзда, къ рѣкѣ Цыльнѣ. Здѣсь Чуваши дѣйствительно довольно цѣльною массою заняли пространство между рѣками—Карлою и Цыльною. Но были, такъ сказать, спорадическія переселенія Чувашъ внизъ по Волгѣ въ степи, въ прежнія мѣста жительства Саксинъ. Здѣсь еще русская колонизація не была сплошной, а была рѣдко разбрасанной на огромномъ пространствѣ. Такъ появились Чуваши въ уѣздахъ: Сингилейскомъ, Карсунскомъ и Сызранскомъ. Въ уѣздѣ Сингилейскомъ въ 1866 г. считалось Чувашъ 4000 душъ обоего пола; въ уѣздѣ Карсунскомъ въ томъ году считалось Чувашъ 3800 душъ обоего пола ⁽¹⁾. Всѣ ихъ селенія здѣсь на рѣкѣ Сурѣ, давно знакомой Чувашамъ. Въ Сызранскомъ уѣздѣ, собственно на Самарской луцѣ, въ лѣсахъ, лежатъ три чувашскія поселенія, число жителей хоторыхъ въ 1866 г. считалось около 90 душъ обоего пола, и

(1) Въ Карсунскомъ уѣздѣ на рѣкѣ Сурѣ есть чувашское село Хомутерь (по русски Конно—богатое). Въ концѣ царствованія Петра Великаго, когда мало-россійское духовенство стало брать верхъ надъ Великороссійскимъ, изъ Малороссіи былъ присланъ, для обращенія Хомутери и близъ лежащихъ чувашскихъ поселеній „Попъ Матѳей“. Съ званіемъ миссіонера онъ соединялъ должность „Поповскаго старосты“. Онъ окрестилъ Чувашъ, выстроилъ

здѣсь Чуваши даже попали въ крѣпостную зависимость знаменитыхъ друзей Императрицы Екатерины Великой, графовъ Орловыхъ. Впрочемъ, кажется, это единственный примѣръ для этой народности. Въ Алатырскомъ и Ардатовскомъ уѣздахъ, на лѣвомъ берегу рѣки Суры, Чувашъ вовсе нѣтъ. Здѣсь не было мѣста даже для спорадическихъ чувашскихъ переселеній. Здѣсь былъ, выражаясь языкомъ русскихъ народныхъ сказокъ, „не только русскій духъ, не только Русью пахло, а Русь во очію совершалась“: здѣсь была массовая, сплошная русская колонизація, заставлявшая бѣжать прежнихъ аборигеновъ страны — Мордву.

Всѣ указанія переселенія Чувашъ были, хотя недозволенные, но терпимыя Правительствомъ, и Правительство должно было смотрѣть сквозь пальцы на такія и подобныя переселенія, и при томъ всѣ эти переселенія совершались въ предѣлахъ, такъ сказать, чужихъ для Самарскаго края. Но вотъ исторія наталкиваетъ насъ на такія переселенія Чувашъ, которыя имѣютъ уже другой характеръ, характеръ, можно сказать, противогосударственный, и всѣ эти переселенія имѣютъ прямое отношеніе къ Самарскому краю, какъ происходившія въ предѣлахъ его территоріи.

Трудно представить, чтобы Чуваши, при всей своей непріимчивости, при всей любви къ своей почвѣ, всѣ безусловно и безъ внутренняго протеста подчинились Русскому гражданственному строю. Мы даже видѣли, что у нихъ были попытки къ протесту. Правда, внѣшній, открытый протестъ для нихъ былъ не возможенъ. Но понятно, что и въ этомъ племени должны были найтись неуживчивые элементы, искавшіе себѣ какого либо ис-

въ Хомутери Покровскій храмъ. Всѣ причтовые должности въ селѣ Хомутери оставались наследственными въ его родѣ до его правнука. Родъ его, собственно въ Хомутери, перевелся въ 1851 г. Этотъ родъ далъ множество фамилій въ разныхъ вѣдомствахъ. Но всѣ члены этого рода сохранили въ своихъ семьяхъ свое родовое, наследственное отъ имени чувашскаго села прозваніе „Хомутеровъ“.

хода. „Русскіе сходцы—голь и голытьба“, (гдѣ разумѣются всѣ противообщественные элементы того времени,) XVII и XVIII вѣковъ проложили себѣ „сиротскую дорогу“ въ степи Дона. Мордва нашла свою „сиротскую дорогу“ на востокъ. Чуваши потянулись туда же тою самой дорогой. Прямо на востокъ отъ мордовской и чувашской земли за Волгой лежала огромная степь, гдѣ утвердилась Башкирская орда, которая, по мѣткому выраженію Соловьева, хотѣла по отношенію къ Русскому государству играть роль древнихъ Половцевъ. Память о предѣлахъ своего владѣнія эта орда оставила въ названіи урочищъ, отъ которыхъ получили свои имена построенные здѣсь города: Бугульма, Бугурусланъ, Бузулукъ. Значеніе этихъ наименованій надо искать въ лингвистикѣ башкиро-туранскихъ нарѣчій. Сюда-то изъ-за Суры и изъ-за Волги направились инородческіе элементы русскаго края: Мордва и Чуваши. Во время башкирскаго бунта, съ 1705 по 1709 г., упоминаются уже Уфимскіе Чуваши, получившіе здѣсь, такъ сказать, правогражданства, и слѣдовательно бѣжавшіе сюда давно. Но побѣги продолжались. Въ 1706 г. Казанскій вице-Губернаторъ Никита Кудрявцевъ пишетъ Свѣтлѣйшему — Меньшикову: „къ Уфимскимъ Башкирцамъ ѣздилъ я... сказалъ я имъ Государеву милость, что Царское Величество... указалъ имъ платить ясака противъ прошлыхъ лѣтъ, а новонакладнаго ничего не имать. И они, выслушавъ, поклонились, а повидимому знатно, (т. е. замѣтно) что неусердно то приняли. Имъ же говорилъ, *чтобы бѣглыхъ къ себѣ Татаръ, Чувашу, Черемису и прочихъ инородцевъ не принимали, а которые есть, тѣхъ бы отдали*, и сказали, что они бѣглыхъ никого не знаютъ“. Послѣднія слова показываютъ, что относительно бѣглыхъ у Башкиръ была одна „манера“ съ Донцами.

Черезъ три года послѣ башкирскаго бунта — въ 1712 г. Казанскій Губернаторъ Апраксинъ писалъ канцлеру Головкину: „со стороны пограничныхъ бусурманъ (т. е. инородцевъ) все благополучно; только всегдашніе намъ *домашніе* злодѣи Башкирцы: отъ нихъ никакого покоренія (т. е. покорности) и добра невидимъ и живемъ во всегдашнемъ отъ нихъ опасеніи“. При

такое отношеніи Башкиръ къ Русскимъ, само собою понятно, Русское Правительство не могло равнодушно смотрѣть на побѣги инородцевъ въ землю Башкирскую. Эти побѣги увеличивали силу врага, хотя и домашняго, но съ которымъ нужно было сильно считаться Правительству, тѣмъ болѣе, что тѣхъ инородцевъ, которые принимали осѣдлую колонизацію въ башкирской землѣ съ разрѣшенія Правительства, башкиры не щадили. Башкирамъ запрещено было продавать свои земли инородцамъ, вѣроятно, въ виду того, чтобы подъ именемъ продажи и покупки не ютилась антиправительственная колонизація. Между поселенцами и Башкирами не было опредѣленныхъ аграрныхъ отношеній. По указу Сената Графъ Головкинъ, сынъ канцлера, въ 1720 г. долженъ былъ объявить Башкирцамъ ихъ прежнія вины, что они въ Уфимскомъ и другихъ уѣздахъ ясашныя мордовскія, черемисскія и другихъ народовъ многія села и деревни выжгли, разорили и многихъ людей побили и въ полонъ взяли. Отсюда видно, что изъ бѣжавшихъ сюда инородцевъ образовался осѣдлый, устойчивый контингентъ: здѣсь были села и деревни *ясашныя*, т. е. несшія извѣстный, окладной сборъ. Далѣе въ указѣ говорится: „также.... которые иновѣрцы (т. е. инородцы) бѣжали къ нимъ (Башкирцамъ), *тѣхъ бѣглецовъ* они принимали, по многимъ требованіямъ не высылали и противные отвѣты дѣлали, посылаемыхъ для переписки къ высылкѣ бѣглыхъ неслушались“. Но уже время для номинальнаго только признанія своей зависимости отъ Русскихъ для Башкиръ начало проходить: Головкинъ началъ возвращать бѣглыхъ и вывелъ отъ Башкирцевъ бѣглыхъ Татаръ, *Чуваши* и Черемисъ 594 семьи, въ количествѣ 2271 человека обоего пола. Но зудъ башкирскій продолжался. До окончанія его было еще далеко.

Въ 1735 г., при Аннѣ Іоанновнѣ вспыхнулъ новый башкирскій бунтъ. Дѣйствовали противъ Башкиръ Кирилловъ и Румянцевъ. Башкиры, не смотря на сильныя, сопровождаемыя иногда энергичными дѣйствowanіями, требованія Русскаго Правительства, охотно принимали бѣглыхъ инородцевъ и не выдавали ихъ Русскимъ. Въ Декабрѣ 1735 г. Кирилловъ и Румянцевъ сов-

мѣстно писали: 1) „между Башкирами старшіе тарханы (старшіе служилые люди—въ родѣ мордовскихъ мурзъ) никакого ясака не платятъ.... но служатъ они... своему воровству, и потому этотъ ихъ чинъ впередъ ненадобенъ; остальные Башкиры платятъ ясакъ самый малый; 2) Мещеряки и служилые Татары по указамъ изъ другихъ городовъ *накликаны* и опредѣлены служить по Уфѣ, по *собственнымъ землямъ ненадѣлены*, принуждены жить на башкирскихъ и давать Башкирамъ подать, почему пошли было въ крестьянство къ Башкирамъ“. Далѣе донесеніе продолжаетъ: „Они отъ башкирскаго послушанія отвращены (вѣроятно обѣщаніемъ поземельнаго надѣла), и въ башкирскомъ воровствѣ (т. е. во время бунта) служили (Русскимъ) вѣрно. 3) Тептеры и бобыли—изъ разныхъ уѣздовъ бѣглые Татары, *Чуваши*, Черемисы: Башкирцы отдаютъ имъ въ наймы свои земли, и *владеютъ ими какъ крестьянами*. 4) Новокрещенные ясачные, число ихъ малое, дворовъ съ 300... весьма къ службѣ вѣрны, и за то разорены теперь ворами“. Отсюда понятно, что Башкирцы не только Тептерей и бобылей—разныхъ бѣглыхъ, но и служилыхъ инородцевъ, накликанныхъ сюда указами Русскаго Правительства, старались забрать въ свои руки, какъ аграрно несостоятельныхъ, чтобы парализовать здѣсь вліяніе Русской власти. Успѣхъ былъ обезпеченъ: Русское Правительство не только не опредѣлило поземельныхъ отношеній между Башкирцами и осѣдлыми въ ихъ краѣ инородцами, но даже не отмѣнило своихъ прежнихъ распоряженій, идущихъ въ прямой разрѣзъ съ опредѣленіемъ этихъ отношеній. Земли оставались въ рукахъ Башкиръ. Слѣдовательно, первой мѣрой Правительства должно было быть опредѣленіе этихъ отношеній. Кирилловъ и Румянцовъ пишутъ въ С.-Петербургъ: „нужно снять запрещеніе покупать у Башкирцевъ земли и уголья, (которыми кочевники мало дорожатъ), чтобы мѣшались съ посторонними... Башкирцы опасны не настоящею своею силою, но будущимъ размноженіемъ отъ многоженства и *приплыва бѣглыхъ*... Ихъ нужно обуздать, какъ въ старину по Волгѣ—Черемисъ и Мордву“.

Обузданіе началось въ 1736 г. Румянцовъ получилъ указъ

идти въ башкирскія жилища, воровъ всякими мѣрами искоренить, жилища ихъ разорять, пушихъ заводчиковъ казнить смертію, прочихъ съ женами и дѣтьми ссылатъ въ ссылку... малолѣтнихъ и женщинъ раздавать въ русскіе города. При такомъ положеніи, Румянцовъ энергично повелѣ дѣло. Онъ хотѣлъ заставить Башкирцевъ, выражаясь языкомъ нашихъ старыхъ лѣтописей, „честно и грозно содержать Русское имя“. „Пропало воровъ т. е. Башкирцевъ, писалъ Кирилловъ, около 4000, то такой погромъ привелъ къ тому, что воры не знали куда скрыться, ибо съ самаго начала подданства ни за которые бунты ни когда такой казни и разоренія не видали. Посему началу несумнѣнная надежда есть, что сіи плуты въ совершенное подданство приведены будутъ“. Но какъ въ началѣ Кириллову ни казалась надежда „несумнѣнной“, она еще была далекой до своего осуществленія: воры—Башкирцы поняли, къ чему идетъ дѣло. Они поняли, что русское Правительство не только хочетъ положить конецъ самовольной инородческой эмиграціи въ ихъ землю, будущаго, какъ выражались Кирилловъ и Румянцовъ, приплыва бѣглыхъ, а стремится однажды навсегда наложить свою твердую руку на нихъ самихъ. Они поняли, что приходитъ конецъ ихъ изворотамъ, ихъ вполне не опредѣлившимся отношеніямъ къ русской власти,—что или нужно подчиниться русскому государственному строю, или—отстоять свой нестройный кочевой бытъ. Они поняли, что не только нужно „дрожать за свою шкуру“, но и „горой стоять за свою шерсть“. И, дѣйствительно, они встали. „Теперь вся эта сторона, пишетъ Румянцовъ послѣ своихъ побѣдъ, въ великомъ смятеніи, и почти всѣ пристаи къ ворами, даже до самаго Казанскаго уѣзда... Башкирцы нынѣ всѣ подозрительны явились, ибо отцы у меня содержатся, а дѣти къ ворами пристаи“. Но Русское Правительство рѣшилось, во что бы то ни стало, сломить эту дикую силу, тѣмъ болѣе, что къ ней „тянули“ наши внутренніе инородческіе элементы. И вотъ въ концѣ 1736 г. идетъ указъ: „хотя при нынѣшней Турецкой войнѣ, въ войскѣ не безъ нужды, однако не меньше нужно и то, чтобы здѣшній внутренній огонь былъ потушенъ, какъ

можно, скорѣе, и потушенъ такимъ ооразомъ, чтобы впередъ не опасаться новыхъ смуть“. Борьба затянулась до 1740 г. Когда борьба временно затихала, Правительство предлагало мѣстной комиссіи обезсилить Башкиръ „нарядомъ“, т. е. взятіемъ лучшаго башкирскаго народонаселенія въ русскія войска, боровшіяся съ Турками, а самихъ Башкиръ „положить въ подушный окладъ“. Татищевъ, главное лицо комиссіи, не чувствуя здѣсь еще твердой, устойчивой русской почвы, не соглашается ни съ тѣмъ, ни съ другимъ предположеніемъ. Противъ втораго предположенія „о положеніи Башкирцевъ въ подушный окладъ“ онъ написалъ: „сіе нынѣ говорить весьма оставить, но быть довольнымъ сборомъ ясака и за заженитбы лошадей... и впередъ о подушномъ окладѣ скоро думать не надобно... *должно пеущися объ устройствѣ крѣпостей*, тогда положить на нихъ ясакъ такой, чтобы съ поголовнымъ малоразнествовалъ“. Много хитрили Башкирцы въ своей борьбѣ съ Русскими. Но невидѣть того, что эта борьба имъ непосильна, было невозможно. Надо было искать силъ на сторонѣ. Въ степяхъ отъ нихъ, на мѣсто Ногайцевъ, утвердились двѣ орды: Киргизская и Калмыцкая. И вотъ Башкиры въ 1739 г. втянули въ свою борьбу Киргизскаго хана — Абуль-Хаира, признавъ его своимъ главою. Абуль-Хаиръ, прельстясь новымъ главенствомъ, женился на башкиркѣ, и началъ обнаруживать враждебныя намѣренія относительно Русскихъ. Татищевъ, получивъ грозный указъ изъ Петербурга, успѣлъ уладить дѣло съ Киргизами. Но Башкиры не считали своего дѣла совершенно проиграннымъ. Они нашли себѣ изъ среды своей предводителя — Салманъ-Гирея Карасакала (Черную бороду). Борьбу съ этимъ противникомъ съ Марта мѣсяца 1740 г. долженъ былъ вести князь Василій Урусовъ. Послѣ небольшихъ стычекъ, Карасакалъ, видя грозное и энергическое движеніе Русскихъ войскъ, бѣжалъ въ степь, и въ Іюль было получено извѣстіе, что онъ пойманъ Киргизами. Тогда „для потомственнаго страха всему башкирскому народу“, перевѣшали и отрубили головы 170 башкирцамъ, захваченнымъ въ бунтѣ; да въ разныхъ командахъ казнено было 432 человекъ, роздано разныхъ чиновъ людямъ

1862 башкирца; отослано въ остзейскіе полки и во флотъ 135. Воровскихъ деревень пожжено 107-мь. Итакъ мы, выражаясь языкомъ тогдашней письменности, „къ тому пришли, что сей бунтъ подлинно послѣднимъ останется“. Позднѣйшихъ башкирскихъ возстаній, имѣющихъ другой характеръ, чуждый цѣлямъ нашего очерка, мы не касаемся. Башкирскій бунтъ, папр. 1755 г. былъ поднятъ чисто подъ религіознымъ знаменемъ; этотъ бунтъ скорѣе можно назвать походомъ, чѣмъ возстаніемъ. Башкирская нѣсня была снѣта, и снѣта по лебединому. Въ тылу Башкирцевъ Кирилловымъ построены г. Оренбургъ. Отъ Самары къ Оренбургу потянулся грозный валъ съ рядомъ укрѣпленій, занятыхъ гвардейскими полками, изъ которыхъ въ послѣдствіи образовалось нѣсколько русскихъ слободъ. Города и укрѣпленія, построенные съ другихъ сторонъ, какъ бы кольцомъ охватывали Башкирскую землю. Все это говорило Башкиріи: „на счастье прочно ты надежду кинь“. Теперь колонизація почвы земель Башкирскихъ, а также—земель, зависимыхъ отъ Башкирцевъ, должна была принять другой характеръ, характеръ „купи — продажи“. Башкирцамъ разрѣшено было продавать, а переселенцамъ—покупать башкирскія земли. Иностранческое племя восточной окраины: Мордва, Чуваши, Мещеряки, да и Русскіе, какъ ненадо лучше, воспользовались этимъ обстоятельствомъ. Теперь переходъ ихъ сдѣлался дозволеннымъ Правительствомъ, и сиротская дорога, такъ долго дѣлавшая своихъ проходимцевъ людьми антиправительственными, стала санкціонированной Правительствомъ. Переселенцы не становились уже бѣглыми воровскими людьми, изъ—за которыхъ Правительство боролось съ Башкирцами, а становились собственниками земли на основаніи денежныхъ поземельныхъ документальныхъ сдѣлокъ. Эти документы принадлежатъ къ самымъ любопытнѣйшимъ документамъ какъ по колонизаціи края и его администраціи, такъ и для этнографическихъ и другихъ изысканій изъ недавно прошедшаго времени. Многіе изъ этихъ документовъ извлечены изъ своихъ первоначальныхъ архивовъ, и перешли въ архивы окружныхъ судовъ, но главная масса ихъ лежитъ „въ пыли вѣковъ“ и ждетъ сво-

ихъ изслѣдователей, а можетъ быть, и часа своего вольнаго или невольнаго истребленія. Мы сказали, что и при новомъ характерѣ колонизаціи наплывъ инородцевъ въ башкирскія земли, а слѣдовательно и въ сѣверовосточные предѣлы Самарской губерніи, продолжался. Инородцы очень хорошо знали почвенныя условія Башкирскаго края. „Земля здѣсь, писалъ Кирилловъ, строитель Оренбурга, черная, лѣса, луга, рыбныя, звѣринныя ловли довольныя“. Но кромѣ естественныхъ богатствъ почвы, влекущихъ сюда колонизацію, для инородцевъ въ данное время были и другія причины, которыя обуславливали движеніе инородцевъ, и особенно Чувашъ и Татаръ въ здѣшній, еще не устроившійся въ гражданско-церковномъ отношеніи край.

Давно Русское Правительство стремилось привязать свою восточную Украину инородцевъ къ исконной Руси чрезъ обращеніе ихъ изъ язычества въ христіанство. Высшаго своего развитія это стремленіе гражданско-церковнаго Правительства достигло въ царствованіе набожной Императрицы Елизаветы Петровны. Въ это царствованіе была образована огромная миссія для обращенія въ христіанство язычествующихъ инородцевъ въ предѣлахъ мордовскихъ, чувашскихъ и татарскихъ поселеній, обхватывая огромный районъ Засурья и Поволжья. Миссія дѣйствовала подъ руководствомъ сильнаго и энергическаго лица, Преосвященнаго Димитрія Сѣченова, Митрополита Новгородскаго. Такимъ образомъ на бытъ инородцевъ теперь сильно налегалъ надзоръ и опека какъ гражданской, такъ и церковной власти, хотя этотъ надзоръ, по тогдашнему духу времени, были не изъ легкихъ, и довольно тяжелымъ бременемъ матеріальнымъ падалъ на бытъ инородцевъ. Въ челобитныхъ того времени (напр. въ 1746 г.) нерѣдко встрѣчаются фразы: „били насъ мучительски и раззоряли“. При томъ новокрещеннымъ давались на извѣстный срокъ льготы отъ денежной и воинской повинностей, и эти повинности за нихъ должны были исправлять тѣ, которые оставались некрещенными. И вотъ въ 1750 г. Сенатъ объ этихъ некрещенныхъ получаетъ донесеніе, что они „бѣгутъ въ лѣса, а о другихъ не извѣстно, гдѣ они“.

Иностранцы, даже новокрещенные, *жили двоевѣрно*, но все могли пассивно сносить строгій контроль ихъ внутренняго быта со стороны гражданско-церковной власти. Имъ оставался одинъ исходъ — уйти подальше отъ этого контроля, жить, по крайней мѣрѣ, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ этотъ контроль не могъ имѣть такой энергической напряженности, какую онъ имѣлъ здѣсь на мѣстѣ. И вотъ Чуваши опять двигаются въ сѣверо-восточные предѣлы Самарской губерніи, по прежней сиротской дорогѣ. Здѣсь Чуваши покупаютъ у Банкиръ земли, входя съ ними въ гражданскія поземельныя актовыя сдѣлки. Поселясь здѣсь, чувашанинъ свободно, почти безъ всякой опеки, мѣшалъ свои языческія религіозныя воззрѣнія съ воспринятыми христіанскими вѣрованіями; жилъ двоевѣрно, не опасаясь за это такого преслѣдованія, какое онъ долженъ былъ терпѣть на своей прежней почвѣ. Въ этомъ краѣ не кому было строго контролировать его религіозный культъ. Въ этомъ краѣ еще не было сильныхъ элементовъ, если негражданской, то церковной власти. Кромѣ того, надо принять во вниманіе и то, что край только колонизовался граждански устойчивымъ осѣдлымъ народонаселеніемъ, гдѣ на первомъ правительственномъ планѣ стояла именно эта устойчивость, а другія свойства народонаселенія новаго края пока могли оставаться въ намѣренной или не намѣренной тѣни. Таковы историческія мотивы того явленія, которое мы называемъ инородческимъ заселеніемъ сѣверо-восточной части Самарской губерніи.

II.

Теперь кратко взглянемъ на національную, если такъ можно выразиться, культуру Чувашъ.

Прежде мы сказали, что слово „Саксины“ выражаетъ національное Туранское имя Чувашъ. Дѣйствительно, языкъ Чувашъ, равно какъ и Мордвы, принадлежитъ къ Туранскому діалекту, и составляетъ одно изъ такъ называемыхъ Туранскихъ нарѣчій. Главную и отличительную черту всехъ Туранскихъ нарѣчій составляетъ отсутствіе *флексій* и поставленіе предлоговъ *позади*

слова, ими управляемыхъ. Предлоги Туранскихъ нарѣчій Вундть считаетъ словами, выражавшими когда-то опредѣленные понятія, т. е. что отношенія между предметами выражались съ помощію посредствующихъ понятій, которыя теперь потеряли для насъ свой смыслъ. Къ отличительнымъ же чертамъ чувашскаго, а равно и мордовскаго языка принадлежитъ двойная форма неопредѣленнаго наклоненія глагола: одна — обыкновенная, другая — употребляемая только въ зависимости дѣйствія отъ глаголовъ, означающихъ движеніе къ мѣсту, составляя прямое дополненіе этихъ глаголовъ; напр. *молоть* по чувашски *вартласъ*, а по мордовски — *ажамсѣ*; выраженіе: *иду молоть* — по чувашски — *каядынъ* (иду) *вартмалла*, а по мордовски — *молянъ ажамо*. Мордва, Чуваши, Татары и Башкиры, принадлежа къ одному Туранскому племени, при своемъ соприкосновеніи, скоро перенимаютъ языкъ одинъ другаго, и скоро начинается между ними бѣглая разговорная рѣчь. И это совершенно понятно, потому что основные законы рѣчи одни и тѣ же у всѣхъ этихъ инородцевъ. Этимъ отчасти объясняется и колонизаціонное стремленіе Мордвы и Чувашъ на Востокъ къ Башкирамъ; избѣгая совместной колонизаціи съ Русскими южныхъ степей“, Мордва и Чуваши не избѣгли этого и въ землѣ Башкирской. Смѣшеніе было неизбежное.

Теперь переходимъ къ изложенію строя религіозныхъ вѣрованій Чувашъ, насколько этотъ строй мы усвоили себѣ изъ личныхъ нашихъ наблюденій, и насколько языкъ Чувашъ сохранилъ въ себѣ слѣды ихъ религіозныхъ представленій.

Прошло болѣе трехъ вѣковъ, какъ Чуваши окончательно подпали подъ Русскую власть. Но они туго поддаются цивилизирующему духу Русской народности. Въ этомъ отношеніи они оказались далеко устойчивѣе Мордвы. Тогда какъ Мордва день — отъ дня „русѣть“, забывая свой языкъ, свою національную одежду и обычаи, Чуваши твердо сохраняютъ свои вѣрованія, доселѣ живутъ *двоевѣрно*, давая замѣтный перевѣсъ, если не во внѣшнемъ обнаруженіи, то во внутреннемъ строѣ своей жизни языческому элементу предъ христіанскимъ.

Извѣстно, что языческія религіозныя представленія находятся

въ неразрывной, тѣсной связи съ воззрѣніями язычниковъ на природу. Выходя изъ монотеизма, языческая мысль силится уяснить себѣ разные атрибуты божества. Изъ явленій природы язычники создаютъ символы божественныхъ атрибутовъ миѣческаго характера, потомъ незамѣтно, при посредствѣ тѣхъ же символовъ, впадаютъ въ политеизмъ (многобожіе). У Туранскихъ племенъ скоро выработался такимъ образомъ такъ называемый „культъ духовъ“, слѣды котораго довольно рельефно выступаютъ въ чувашскихъ вѣрованіяхъ.

Чуваши боготворили производительную силу природы подъ именемъ *Азю* или *Азя* (самецъ, производитель). По особенностямъ чувашской фонетики этотъ звукъ въ сложныхъ словахъ переходитъ въ *Ади*, *Ада*, *ди* и *да*. Отсюда же произошло слово — *атте* или *аиние* — отецъ. Здѣсь считаемъ уместнымъ сдѣлать, для удобопонятности дальнѣйшаго нашего изложенія, небольшое замѣчаніе. Изъ предыдущаго нашего изложенія отчасти уже видно, что для означенія чувашскихъ понятій, выражаемыхъ тѣмъ или другимъ чувашскимъ словомъ, мы прибѣгаемъ къ описательной формѣ. Дѣло въ томъ, что, при совершенно отличной организаціи чувашскаго языка отъ нашего, чувашскія выраженія не поддаются точной передачѣ на русскій языкъ; а потому описательная форма ихъ не есть произволь, а законъ необходимости. Да и этой формой иногда не только трудно, а почти невозможно передать истинный (точный) смыслъ чувашскихъ выраженій. Теперь продолжаемъ свою рѣчь. Какъ древніе Индѣйцы въ громѣ слышали голосъ своего бога—Шивы, такъ Чуваши въ громѣ слышатъ голосъ (собственно иѣнне) своего *Азю*. Изъ выраженій чувашскаго языка о громѣ необходимо заключить, что Чуваши представляли своего *Азю* подъ образомъ птицы. Если мы слово *Азю* будемъ производить отъ чувашскаго *асъ* или *азъ* — умъ, то тогда это представленіе не потеряетъ своей естественности. Вотъ эти чувашскія выраженія о громѣ: *Азю* авдать, *асла* — *ди* или *асл* — *ади* (*ди* и *ади* — вмѣсто *Азю*) *авдать*, *мунъ* — *Азя* *авдать* и *Гомюр* — *да* (*да* вмѣсто *Азю*) *авдать*. Всѣ эти выраженія — громъ гремитъ — буквально значатъ: богъ поетъ. Гла-

голь — *авдасъ* исключительно выражаетъ голосъ птицы. Отсюда слово *авданъ*, пѣтухъ — играющій роль почти во всѣхъ мифологіяхъ. *Авданъ авдатъ* — это значитъ пѣтухъ поетъ, *куку авдатъ* — кукушка кукуетъ. Собственно пѣніе человѣческое выражается у Чувашъ глаголомъ *Горласъ* или *Горланасъ*. Остановимся немного на тѣхъ эпитетахъ, которые Чувашъ придаютъ своему *азю*. *Асла* — старшій, высшій, собственно „разумный“ — отъ *асъ* или *азъ* — умъ. О *ла* мы уже замѣчали. *Юмюрги* — вѣчный, собственно — *вдохновенный*. Названіе жилища своего *азя* Чувашъ выражаютъ словомъ *пюльть азумги*. *Пю* или *пю* — означаетъ законченность, совершенство, законченный возрастъ. Отсюда — духи, окружающіе *азю*, называются *пюлюхъ*, (архангелы), и *пюлюхси* — (ангелы). Отсюда — *пюльть* — небо. Изъ этого-то жилища высшей и разумной силы (*асла* — ади) происходятъ тѣ непонятныя, повидимому, бессмысленныя опредѣленія, которыя мы называемъ судьбой, но съ которыми мысль человѣческая мирится во имя общаго блага. Отсюда у Чувашъ то, что опредѣлено судьбой, выражается словомъ *пюрнѣ* — отъ *пюресъ* — опредѣлить судьбой. Отсюда же происходитъ и слово *пюртъ* — дворъ — *опредѣленное* и законченное мѣсто чувашскихъ жилищъ.

Азю или *асла* — ди, какъ производительная сила для человѣка и для природы, стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ человѣкомъ и природой, сообщая имъ обоимъ силы, нужныя для человѣка: *азю* есть питатель и кормитель людей, — онъ есть *синъ* — *Азя* или по сокращенной фонетикѣ — *Син* — *зя*. Какъ сообщитель растительныхъ и животельныхъ силъ землѣ и водѣ, какъ оплодотворитель ихъ, *азю* есть *ту* — *ра азю*, или *ту* — *ра* — *ади* или просто *тура*.

По окончаніи весенней пашни, во время такъ называемаго „между-парья“, предъ лѣтнимъ солнцестояніемъ, во время коего производительная сила природы достигаетъ своего высшаго, такъ сказать, нагляднаго обнаруженія, Чувашъ празднуютъ „Синзю“, въ честь *азю*, какъ отца, производителя людей. Земля и вода считаются въ это время оплодотворяющимися отъ *азю*. Они должны находиться, по возможности, въ покоѣ. Это, — какъ выражаются Чу-

ваши, время ихъ имѣннѣ. Въ это время никто изъ Чувашъ ни подъ какимъ видомъ не только не долженъ пахать, но и провести какую либо борозду по землѣ. Никто изъ нихъ не долженъ вырывать камней, рыть глины, брать песку, наливать въ бочки воду. Во время празднованія Синзи Чуваша собираются въ кружокъ, и ложатся животомъ на землѣ, чтобы заимствовать у ней силы азю, которая земля обнаруживаетъ въ ходѣ растительной жизни. Таковъ смыслъ чувашскаго празднованія Синзи. Теперь переходимъ къ словамъ, имѣющимъ связь съ азю или азя. Если Чуваша имѣли и имѣютъ указанное нами воззрѣнiе на азю, то это воззрѣнiе должно было необходимо отразиться на другихъ представленiяхъ Чувашъ, имѣющихъ связь съ этимъ воззрѣнiемъ Чувашъ. Если азю производитель, отецъ людей, то гдѣ находятся его отраженiя въ человѣкѣ?

Главное проявленiе жизни человѣка составляетъ его умъ; это и есть первое отраженiе азю. Умъ—по чувашски,—*асъ* или *азъ*. Отсюда—*аста*—знатокъ. *Азыргасъ*—догадываться, буквально—„умъ приводитъ въ порядокъ“. *Аз—тувасъ*—остерегаться и мстить, буквально—„умъ дѣлать“. *Аз—насъ*—съ ума сходить. Главное отраженiе ума составляютъ глаза (зеркало души). Отсюда глазъ по чувашски *ку—зя* или *кузь* ⁽¹⁾. Это слово происходитъ отъ *ку* или *ху*—свой и *азя*. Голова, какъ главная, начальственная часть человѣческаго организма, называется *пу—зя* или *пузь*. Это слово есть и у Татаръ. Звукъ *пу* или *ду* означаетъ бытiе: отсюда *пуласъ* или *буласъ* быть и *пурнасъ*—жить и *пурнысь*—жизнь. Звуки *п* и *д* у Чувашъ переходятъ одинъ въ другой безразлично, по крайней мѣрѣ, такъ у восточныхъ Чувашъ. Слѣдовательно, голова значитъ при-

(1) Если мы Чувашъ раздѣлимъ на западныхъ и восточныхъ, то должны сказать, что первые, какъ дальше жившіе отъ Турано-монгольскихъ народовъ, произносятъ звукъ *о* тамъ, гдѣ восточные Чуваша, какъ ближе жившіе къ указаннымъ народамъ, произносятъ звукъ *у*, и на оборотъ. Мы будемъ слѣдовать послѣднему восточному нарѣчію.

сутствіе азію. Что голова означаетъ начальственную часть организма, мы въ примѣръ укажемъ на слово—*сѣра*—*пузь* полководецъ. *Сѣра*—значить *войско*.

Священникъ *Іоаннъ Архангельскій*.

(Продолженіе будетъ).

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

УСТАВЪ

БОГОЯВЛЕНСКАГО БРАТСТВА

ПРИ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

для вспомошествованія нуждающимся студентамъ ея.

(Утвержденъ г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ 10 декабря 1881 г.).

І. Цѣль Братства.

§ 1. Возстановляемое подъ своимъ древнимъ названіемъ Богоявленское Братство имѣетъ цѣлію доставлять денежныя и другія матеріальныя пособія, прежде всего, нуждающимся студентамъ Кіевской духовной Академіи, затѣмъ нуждающимся бывшимъ воспитанникамъ Академіи.

§ 2. Сообразно съ этою цѣлію Братство: а) даетъ евокоштнымъ нуждающимся студентамъ единовременныя денежныя пособія; снабжаетъ ихъ книгами, платьемъ и другими вещами; помѣщаетъ заболѣвшихъ въ больницы, или отправляетъ ихъ на родину, или же въ мѣста, указанныя врачами; принимаетъ на себя плату за столъ студентовъ, за квартиры, за полное содержаніе студентовъ въ Академіи; устрояетъ для нихъ общежитія; б) съ развитіемъ своихъ средствъ Братство даетъ казеннокоштнымъ студентамъ единовременныя пособія въ случаяхъ, которые имѣютъ быть опредѣлены общимъ собраніемъ Братства; в) при значительномъ расширеніи своихъ средствъ Братство даетъ нуж-

САМАРСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

№ 15-й.

1886 г.

августа 1-го

Годъ двадцатый.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ.

СОДЕРЖАНИЕ: Очеркъ чувашской народности.—(Продолженіе).—Открытие Богоявленскаго Братства при Кіевской духовной Академіи,—Объявленія.

ОЧЕРКЪ ЧУВАШСКОЙ НАРОДНОСТИ.

II.

(Продолженіе).

Горе челоѣка часто выражается слезами. Невольное продолженіе слезъ — всхлипываніе, — зависящее отъ фізіологическихъ причинъ, само собою непонятныхъ для Чувашъ, Чуваша выражаютъ словами: *азю — азюхля йыратъ*.

Свои праздничные досуги Чуваша также производятъ отъ азю — досугъ, праздничный покой, по чувашски *яр — зю* — отъ *яръ* — воля и азю. Отсюда *ярзасъ* — удосуживаться, праздновать. Отсюда же — *арня* и *энерне недѣля*, а начальный день, праздничный недѣльный, называется *арня — кунъ* (*кунъ* — донъ). Въ настоящее время у Чувашъ этотъ день есть пятокъ, заимствованный ими отъ Татаръ-мусульманъ. Прежде этотъ день назывался *уя — кунъ — полевой день*. Въ заключеніе укажемъ еще на одно довольно характеристическое слово, происходящее отъ азю. Это *пурзя* (*пуръ* — азя) *горохъ*: отъ *пуръ* — градъ и азю, значить „градъ божій“. Очевидно горохъ у Чувашъ получилъ

свое названіе отъ большого вѣшняго сходства съ градинами. Отъ Чувашъ это слово перешло и къ Татарамъ.

Теперь переходимъ къ тому слову, которое имѣло непосредственную связь въ языкѣ и религіозныхъ представленіяхъ Чувашъ съ словомъ азя. Это *Иомузъ или Иом—зя. (Иом—азя).*

Иомузи или Иомзи были ничто иное, какъ посредники между людьми и азя, это—получатели и носители откровеній, вдохновеніи азя. *Ио—вдохновеніе. озареніе, высшее вліяніе. Иом—*значить вдохновенный, находящійся подъ высшимъ вліяніемъ. Слѣдовательно, Иомзя значитъ *озаренный отъ азя.* Для примѣра мы приведемъ нѣсколько словъ, гдѣ въ корнѣ слышатся звуки *Ио* и *Иом.* *Иомюрги* — вѣчная жизнь, т. е. жизнь подъ исключительнымъ вліяніемъ и озареніемъ азя—бога добра. Отсюда — *Иомурюзъ* — вѣчность. Отсюда же — *Иом—ютленесъ* — получать воодушевленіе, питать живую надежду. *Иомютъ* — надежда. Отсюда даже *Иомагъ* — загадка и сказка, какъ такіа произведенія, которыя требуютъ извѣстнаго душевнаго творчества, извѣстнаго вдохновенія; отсюда же — *Иомклясъ* благоволить. Слова съ отрицательнымъ значеніемъ: *Иом—зыръ (зыръ—безъ)* — ненавистный, *Иом—зырасъ* — опьяняться. Отъ *Ио—Иорласъ* — пѣть, *Иора* — пѣснь. *Иозасъ* — поправлять (вдохновлять умомъ), *Иозанасъ* — выздоравливать. Отсюда же *Ио—ба* (*ба* предлогъ *съ, вмѣстѣ*) поминки по умершимъ и воротнй столбъ. Приведемъ еще одно къописываемому нами звуку характеристическое слово: *хуяръ—ом—кны* быть сглажену. Слово хуяръ -- отъ *ху* — свой и *яръ* — воля — значитъ своевольникъ, злорадникъ. Теперь продолжимъ рчь о Иом—зяхъ.

Иомзи были священными лицами Чувашъ. Они тождественны съ нашими славянскими „кудесниками“. Какъ лица свыше вдохновенныя, для отпращиванія своихъ религіозныхъ обязанностей, они не нуждались въ чьей либо людской санкціи. Главная задача быть Иомзей состояла, и теперь состоитъ, въ томъ, чтобы какими нибудь особыми, изъ ряда выдающимися психическими проявленіями, обратить на себя вниманіе окружающаго чувашскаго люда, чтобы это проявленіе заставило Чувашъ предполагать

здѣсь высшее невидимое проявленіе своего азію. Будетъ ли это проявленіе въ мужчинѣ или женщинѣ, это, по самому существу дѣла, для Чувашъ безразлично. Сама собою понятна и та сторона дѣла, что при существованіи у Чувашъ двоевѣрія, когда христіанскій элементъ замѣтно и благотворно начинаетъ вліять на складъ религіозной культуры Чувашъ, Іомзи не могли сохранить за собой неприкосновенности своего прежняго религіознаго значенія, и мало по малу обратились въ простыхъ знахарей и ворожеекъ, хотя и не у всѣхъ Чувашъ. Но ихъ знахарство не поставляется Чувашами въ связь съ темными, враждебными Чувашамъ силами. Представителями и носителями темнаго знахарства, происходящаго отъ злыхъ духовъ, у Чувашъ являются *тугатмыши* — колдуны. Главная обязанность Іомзей по отношенію къ Чувашамъ состоитъ въ томъ, чтобы Іомузи, при общественныхъ и семейныхъ бѣлахъ, могли вѣрно указать тѣ враждебныя силы, отъ которыхъ происходятъ эти бѣды, указать мѣсто обитанія этихъ силъ, и способъ ихъ умиловленія: что и когда нужно принести въ жертву. Такимъ образомъ азію чрезъ своихъ представителей — Іомзей даетъ Чувашамъ возможность бороться съ враждебными для нихъ началами.

Теперь наша очередь говорить о *тура*, какъ о другой сторонѣ одного и того же чувашскаго религіознаго представленія объ азію.

Мы прежде сказали, что оплодотворяющую силу земли и воды, полученную ими отъ азію, Чуваша называли *ту—ра*. Это слово получило, въ религіозномъ смыслѣ, исключительное, можно сказать, право гражданства въ чувашскомъ языкѣ. *Тура* — богъ постоянно на языкѣ Чувашъ. На вопросъ — какъ по чувашски богъ — отъ каждаго чувашенина несомнѣнно получится отвѣтъ: „Тура или Тора“. И это для насъ совершенно понятно: въ земледѣльческомъ быту Чувашъ на первомъ планѣ и мѣстѣ должна стоять производительная сила земли и воды. Но первоначальная связь словъ *тура* и *азію* также хорошо сохранилась въ языкѣ Чувашъ. При ихъ общественныхъ „молянaxъ“ и частныхъ молитвенныхъ обращеніяхъ очень часто слышится возваніе:

тура—азя, тур—ада, или просто тур—да (казярь тур—да — прости Господи!) Слово—тура состоитъ, совершенно сообразно первоначальному представлѣнію Чувашъ о взаимномъ отношеніи земли и воды къ земледѣльческому быту, изъ двухъ словъ *ту* и *ра*. Звукъ—*ту* означаетъ ростъ, поднятіе и полноту физической природы. Отсюда—*ту—да* или *ту—ада сытый*, вѣполненный отъ азя; *туллы*—полный, *тула*—пшеница, какъ дающая самое полное зерно изъ всѣхъ, извѣстныхъ Чувашамъ, хлѣбныхъ злаковъ. (*Ху—ра тула*—черная пшеница—греча); *тулдаласъ*—наливать, наполнять; отсюда же *туй*—гора *ту—валки*—пригорокъ, *тубанъ*—полозъ; *туннадарасъ*—рости, подниматься, *тунасъ*—производить, дѣлать новое. Отсюда же—*тупридаасъ*—подниматься, и *тупра*—земля, какъ поднимающая сила. Безъ отношенія къ этой силѣ земля у Чувашъ называется *сирь*. (Отсюда *сирь-улми*—картофель, какъ земляное яблоко); *туй—пузе* (поднятая голова,—начальникъ). Теперь перейдемъ къ звуку *ра*.

✓ *Ра* у Туранъ значить водное теченіе, *рѣка* ⁽¹⁾. А какъ съ воднымъ теченіемъ необходимо является представленіе о протяженности земли и воды, то отсюда у Чувашъ слова: *турухъ*—вдоль, и *туружъ*—длина. Представленіе о взаимодействующей силѣ земли и воды произвело въ чувашскомъ языкѣ слова: *турласъ* ⁽²⁾—свершить, закончить въ полнотѣ, *туранасъ*—насыщаться, *турандарасъ* сытымъ сдѣлать (накормить и напоить). Мы прежде выразили мысль, что производительная сила земли и воды развивается не въ нихъ самихъ, а получается *свыше* отъ азя. Мысль эта находитъ полное подтвержденіе въ языкѣ Чувашъ. На связь *тура* съ асла—ади указываютъ слова *ту-*

(1) Отсюда *Ра*—Волга, какъ рѣка по преимуществу; *Су—ра*—чистая рѣка; *Иза—ра*—дальняя рѣка. *Чичо—ра*—внезапно являющаяся своими поднятіями рѣка; *Курыкъ—ра*—быстрая, скоронаполняющаяся и скороспадающая рѣка.

(2) У Мордвы отъ этого слова произошло названіе рѣчки *Турлей* (лей—ручей)—полный, многоводный ручей.

ры — верхній и *турры* — вверхъ, т. е. *тура* есть сила сверху сходящая. Синонимическія слова — *сюля* — вверхъ и *сюльде* — вверху происходятъ отъ *сю* или *словъ* — свѣтъ, раздвигающій предъ взорами необъятный сводъ небесный. Въ заключеніе своихъ сужденій о *тура* мы приведемъ клятвы Чувашъ, какія они употребляютъ въ подтвержденіе своей правды. Этихъ клятвъ двѣ: *тубада* и *тубада туржинъ*. *Тубада* сокращенное — изъ *ту — ба — ади* (или азю) т. е. приводится въ свидѣтельство азю съ своей благодѣтельной возвышающей силой; а послѣдняя клятва означаетъ азю съ полнымъ совершенствомъ своихъ силъ. Отсюда — *тубасъ* находитъ т. е. клятва найдетъ своего нарушителя, вездѣ гдѣбъ нисокрылся онъ. Отъ представленія поднимающей и утверждающей силы *тура* произошли слова: *турасъ* твердо стоять, *турадасъ* — твердо поставить на ноги. Отсюда — *турду* — племя. Отъ *тура* какъ опекающей силы — произошли: *пула* — *ту — ранъ* — знакомый, собственно-живущій съ помощію *тура*; *туранъ* — *ирътны* — безбожникъ, (обойденный богомъ). А какъ *тура* сила разумная, и наказывающая Чувашъ за ихъ пороки; то у ней необходимо просить милости и помилованія. Отсюда — *тургасласъ* — просить свыше, и *тургасъ* — пожалуйста. Въ противномъ случаѣ, безъ „моляна“, выйдетъ для Чувашъ — *тура* — *булманны* — неурожай (тура не далъ).

Теперь — о Чувашскихъ „молянахъ“.

Какъ урожай, неурожай, такъ и всѣ физическія бѣдствія, вліяющія на производительность природы, по понятію Чувашъ, только и исключительно зависятъ отъ азю — тура или отъ тур — ада. По окончаніи Синзи, когда, по выраженію Чувашъ, земля праздновала свои именины, во время весенняго солнцестоянія, Чувашки готовятъ народный *чукъ*, т. е. жертву для совершенія народного моляна — тур — адъ. Собственно слово „Чукъ“ значитъ „на колѣна“. Изъ общественныхъ (т. е. извѣстной деревни или села) Чуковъ сохранился весенній. Но у Чувашъ, какъ и у древнихъ славянъ — коляда, былъ Чукъ въ честь производительной силы природы въ зимній „солнце-воротъ“, когда, по выраженію нашихъ крестьянъ, солнце поворачиваетъ на весну,

а зима на морозъ. Время съ половины Декабря до половины Января у Чувашъ зовется *Чукъ—уихъ*—жертвенный мѣсяць въ соотвѣствіе славянскому мѣсяцу—коляднику. Это время нынѣшніе Чуваші проводятъ въ круговомъ разгулѣ. Для весенняго жертвоприношенія намѣчается нѣсколько быковъ, и ловится нѣсколько воробьевъ. Мѣсто для жертвоприношенія и совершенія моляна, по чувашски—*шыртъ*, ежегодно почти у всѣхъ Чувашъ бываетъ одно и то же. Если это мѣсто не въ лѣсу, то оно обставляется, наканунѣ моляна воткнутыми кустиками, большею частью ветлянными. Въ день совершенія моляна Чуваші приводятъ сюда одного быка и кладутъ его на землю. Въ этомъ положеніи связаннаго быка оставляютъ нѣсколько времени. Потомъ о пригодности или непригодности приведеннаго быка для Чука Чуваші узнаютъ потому вліянію, какое окажетъ взятая изъ рѣки и литая на него вода: если быкъ, при первыхъ струяхъ поавшей на него воды, встрепенется, это знакъ, что онъ годенъ для жертвы. Въ противномъ случаѣ приводится другой изъ намѣченныхъ быковъ. Разрѣзанныя и сваренныя въ котлѣ части быка раздаются всѣмъ участникамъ моляна въ принесенныя ими самими чашки. Все мясо съѣдается при участіи собакъ, которыя составляютъ неотъемлемную принадлежность чувашской домашней жизни. По окончаніи трапезы, начинаютъ Чуваші топить воробьевъ въ рѣкѣ. Это—жертва или чукъ водѣ, и тотчасъ же начинаютъ купаться. Женщинъ обливаютъ водой на улицахъ, или хлопаютъ по нимъ мокрыми тряпичами. Замѣчательно, что обычай купанья и обливанья водой существуетъ и у Мордвы, и у русскихъ. И это понятно, потому что основной смыслъ славянской „купавы“ или „купалы“ одинъ и тотъ же для всѣхъ языческихъ земледѣльческихъ народовъ: это празднованіе въ честь благотворной производительной силы земли и воды. Такъ какъ для насъ важенъ только *смыслъ* извѣстнаго религіознаго явленія, то мы не останавливаемся на всѣхъ подробностяхъ чувашскихъ моляновъ, а избираемъ изъ нихъ такъ называемыя характеристическія черты. Мы бы сдѣлали не большой пропускъ, еслибы не упомянули, что тор—азю, или тор—

ада имѣть свой штатъ служебныхъ духовъ, чрезъ которые или облагодѣляетъ, или наказываетъ Чувашъ. На этихъ духовъ мы уже кратко указали. Теперь укажемъ еще на одно чувашское олицетвореніе, относящееся къ этой области. Это *Выйпуръ*. Какъ славяне олицетворяли *морозъ* въ лицѣ „кащей безсмертнаго“, такъ и Чуваша олицетворяютъ его въ лицѣ *Выпура*—отъ *вый*—сила и *пуръ*—морозъ, градъ. Это олицетвореніе выпукло и рельефно сохранилось въ языкѣ Чувашъ: про неполное солнечное или лунное затмѣніе Чуваша выражаются „выпуръ сѣять“ т. е. выпуръ ѣсть, а про полное—„выпуръ сѣяны“ т. е. выйпуръ съѣлъ. Отъ слова *пуръ* произошло названіе сѣвера—*пур*—*сумзы*, т. е. страна, откуда морозъ беретъ заносъ: *сумза*—носъ. Другое названіе сѣвера—*касъ*—*енни* значитъ вечерняя страна *касъ*—отъ *каясъ* уходитъ—значитъ вечеръ и *енни*—страна.

Съ мыслию о *тур*—*ада* у Чувашъ соединяется представленіе о возможной правдѣ и добрѣ. Если *турада* и наказываетъ Чувашъ недородомъ, неурожаемъ, градомъ, мокротой, голодомъ и холодомъ; то здѣсь онъ дѣйствуетъ по закону праведнаго возмездія, наказываетъ Чувашъ за ихъ вредныя для нихъ самихъ пороки, наказываетъ ихъ для добра ихъ же самихъ. Но вотъ есть еще невидимыя духовныя существа, которыя по самой природѣ враждебны Чувашамъ.

Къ одному изъ такихъ враждебныхъ существъ для Чувашъ принадлежитъ олицетвореніе того явленія, которое, безъ сомнѣнія, впервые вызвало грустную печальную пѣснь на уста чловека, которое раздвоило сознание древняго чловека: заставило его сказать себѣ, что жизнь идетъ отъ одного добраго бога, а смерть идетъ отъ другаго столь же могучаго, злаго бога. Здѣсь зародышъ тѣхъ философенъ-древности, которыя выродились въ послѣдствіи у Аріидцевъ въ систему такъ называемаго дуализма. У Чувашъ, какъ и у другихъ Туранскихъ племенъ, олицетвореніе смерти не развилось до философски выработаннаго, формулированнаго представленія о смерти, какъ началѣ зла, столь же могучемъ, какъ могуче начало добра. Смерть осталась для Чу-

вашъ не божествомъ зла, а просто злымъ враждебнымъ духомъ.

Какъ видимое естественное явленіе, смерть у Чувашъ называется *вилымъ* отъ *вилясъ* — умирать, отсюда мертвые и называются *виляшки*; отсюда же и глаголъ — *видесъ* — бить на смерть. Олицетворенная смерть, какъ злой враждебный духъ, у Чувашъ называется *Вири* и *Виртъ*. Отсюда — *вирласъ* — заболѣть, подпасть подъ вліяніе *вири*; отсюда же — *вирдясъ* — заговаривать, уничтожать это вліяніе. Полное обнаруженіе своего олицетворенія *вири* или *виртъ* Чуваша видятъ въ тѣхъ воздушныхъ метеорахъ, которымъ Русскіе присвоаютъ названіе „змѣевъ-летуновъ“. У Чувашъ эти метеоры называются *вири* — *сюлень* (сюлень — змѣй). Олицетвореніе смерти Чуваша выражаютъ и словомъ *Эсреле*, отъ арабскаго — Азраиль — ангель смерти, словомъ перешедшимъ къ нимъ чрезъ Татаръ-суннитовъ. Замѣчательно здѣсь то, что эсреле въ представленіи Чувашъ не сохранилъ той примиряющей идеи, которую соединяла съ этимъ словомъ магометанская арабійская фантазія: эсреле остался для Чувашъ просто злѣйшимъ и враждебнѣйшимъ духомъ.

Виляшки — мертвецы, подпадая подъ власть *вири* или *виртъ*, злобнаго духа смерти, измѣняются и сами. Смерть враждебна жизни, мертвые — враждебны живымъ. Но эта враждебность *виляшекъ* не есть неизмѣнное, не преоборимое свойство ихъ, какъ у *виртъ* или *эсреле*. Враждебность *виляшекъ* не только можно парализовать, но и обратить ихъ дѣятельность къ пользѣ живыхъ. Это-то предотвращеніе вреднаго вліянія мертвыхъ, и обращеніе его въ пособіе живымъ и составляетъ у Чувашъ то, что вообще называется „культъ мертвыхъ“. Не обходимою принадлежностію этаго культа служатъ: пѣтухъ — *авданъ*, *йыда* — собака и *йыггерче* — блинъ. Согласно своей цѣли изъ обрядовъ этаго культа мы будемъ брать только тѣ характеристическія черты обрядовъ, которыя такъ или иначе болѣе наглядно выражаютъ мысль этаго культа.

При появленіи труна хотя бы самаго дорогаго и близкаго родственника, у Чувашъ не бываетъ слезъ, плача и разныхъ причитаній. Трунъ внушаетъ имъ чувство болѣе похожее на страхъ,

чѣмъ на сожалѣніе. Эта черта, замѣтимъ кстати, свойственна всѣмъ Туранцамъ языческаго культа. Тотчасъ же начинается и за-
добриваніе покойника: къ трупу являются „пузырь“ (національ-
ный музыкальный инструментъ Чувашъ) и волынка. Начинаются
пѣсни и пляски, чтобы покойнику весело жилось на томъ свѣтѣ.
Чѣмъ энергичнѣе и искреннѣе идетъ веселье, тѣмъ лучше для
покойника. Какъ только гробъ съ покойникомъ *вывезутъ* за во-
рота дома на улицу, въ слѣдъ за нимъ бросаютъ раскаленный
въ печи кирпичъ или камень, чтобы „покойникъ укатилъ“, и
не ходилъ *тула—зинче*—на дворъ, вредя благосостоянію, по-
лучаемому отъ *тур—ада*. Гробъ везется къ могилѣ лошадьми,
и всегда на дровняхъ или саняхъ, но никогда на телѣгѣ. Это,
по нашему мнѣнію, указываетъ на аналогію въ чувашскихъ пред-
ставленіяхъ смерти съ зимой. На гробъ верхомъ садятся два или
три человѣка, какъ бы давая знать покойнику, что жизнь сильнѣе
смерти, что живые сильнѣе умершихъ. Предъ опусканіемъ гроба въ
могилу Чуваша кладутъ въ гробъ покойника по немногу могильной
земли, символизируя этимъ, что могильная земля—*саванъ—ту-*
пры будетъ парализовать желаніе покойника посѣщать живыхъ.
по представленію Чувашъ, прибавимъ—и большинства языческихъ
народовъ, загробная жизнь есть въ нѣкоторой мѣрѣ продолженіе
настоящей жизни, а потому въ гробъ покойника кладутся глав-
ныя принадлежности его земной жизни: *чилишъ*—трубка, коче-
дыкъ и пр. не много полбенной каши. *Вилишъ*—смерть дѣлаетъ
человѣка—*вызе*—голоднымъ и *йырганъ*—тощимъ, блѣднымъ, и
слѣдовательно дурно настроеннымъ. Вотъ причина, почему умер-
шіе стремятся къ жилищу живыхъ родственниковъ, требуя отъ
нихъ поминокъ. Объ этомъ требованіи Чуваша узнаютъ по яв-
ленію во снѣ покойниковъ, по боли въ поясицѣ и по вытью
дворныхъ собакъ. Цѣль поминокъ—это накормить *выземъ* (го-
лодныхъ) *виляшекъ*, успокоить ихъ, и такимъ образомъ задобрить
ихъ и парализовать враждебную настроенность *виляшки*. Для
поминокъ неизбѣжно варится *сыра*—пиво (отъ *сы* и *сый*—здо-
ровье и *ра*). Закалывается нѣсколько пѣтуховъ, готовятся
полбенная каша и блины. Для покойника номинальное купанье

кладется наружу слухового окна. Окно это дѣлается въ дверной стѣнѣ, къ которой примыкають сѣни. Окно имѣетъ деревянную задвижку, за которой ставится поминальная пища. Дверь въ чувашскихъ жилищахъ всегда отворяется внутрь жилья, и этимъ какъ бы ограждаетъ себя и жилище отъ враждебныхъ *виляшекъ*. Къ слуховому окну, внутри и наружи жилья, прилепляютъ много восковыхъ свѣчей, которыя также прилепляются къ обоимъ двернымъ косякамъ внутри жилой избы. Это — помощь азу противъ вредныхъ намѣреній виляшекъ: свѣча восковая по чувашски *сюрда* — отъ *сю* или *сювз* — свѣтъ, *ра* и *ада* (рѣка свѣта Божія). У слухового окна въ самой избѣ находится мѣсто — *кюрегге*. На *кюрегге* сажаютъ соломенную чучелу (отъ *чучу* — привидѣніе — что быстро является и быстро исчезаетъ). Чучела бываетъ въ такомъ нарядѣ, въ какомъ обыкновенно кладутся чувашскіе покойники. Но это бываетъ только при поминаніи близкихъ и недавно умершихъ родственниковъ: въ нихъ предполагается меньшее чувство враждебности, въ нихъ еще болѣе живо родственное чувство, чѣмъ въ покойникахъ давно умершихъ. Это частныя поминки.

✓ Перейдемъ къ описанію характера вообще чувашскихъ поминокъ общественныхъ, куда внесемъ и тѣ черты частныхъ поминокъ, которыя описаны нами выше.

Что жизнь *виляшекъ* въ представленіяхъ Чувашъ имѣетъ аналогію съ жизнью природы, это — для насъ не сомнѣнно. Послѣ празднованія *синзи* и моляна въ честь *тур* — *ада* или *тура* — *азю*, во время лѣтняго солнцестоянія, когда оживленны всѣ силы природы, и слѣдовательно оживлены и виляшки, Чуваша поминають ихъ. Для этого приносятъ на кладбище ⁽¹⁾ пиво, блины, жареныхъ кочетовъ, полбенной каши. Пьютъ и ѣдятъ сами, льютъ пиво на могилы покойниковъ; приводятъ на могилы всѣхъ собакъ деревни, и кормятъ ихъ поминальной пищей, полагая,

(1) Кладбище у Чувашъ, согласно ихъ основному воззрѣнію на покойниковъ, имѣетъ эпитетъ *мазаръ* — не чистый, негодный. Слово заимствовано у Татаръ.

что пища чрезъ собакъ достигаетъ покойниковъ. Осенью, когда природа видимо начинаетъ терять силы, замирать, а вмѣстѣ съ нею начинаютъ терять силы и виляшки, Чуваши, съ конца Октября и далѣе середины Ноября, начинаютъ совершать (*Юба тувасъ*—дѣлать) поминки по умершимъ. Это время зовется—*уихъ Юба*—мѣсяць поминокъ. (*Юба* собственно—воротнй столбъ). Въ это время Чуваши на кладбищѣ не бываютъ, а совершаютъ поминки по домамъ. Почти во всѣхъ домахъ чувашскаго селенія варится *кюрсеры*—*кюръ*—осень, переходное время, отъ кюрдасъ—проходить. Отсюда и *кюрегге*—извѣстное мѣсто, смыслъ названія котораго сейчасъ объяснится. Осеннія поминовения отличаются отъ частныхъ, прежде описанныхъ нами, поминокъ тѣмъ, что поминочное приготовленіе чувашской кухни поставляется не на слуховомъ окнѣ, а у воротнаго столба (*Юба*), который охраняетъ жилище Чувашъ отъ вреднаго вліянія виляшекъ. О филологическомъ значеніи *Юба* мы уже сказали прежде. Теперь укажемъ кстати, что чувашскій *Юба* имѣетъ большую аналогію съ представленіемъ язычествовавшихъ славянъ о *Чуръ—панъ* или Чурбанъ, столбъ, охраняющемъ родовую межу. Существенная разница въ томъ, что *Юба* получаетъ свою силу отъ азу, а Чурбанъ—отъ *Чура*, пращура, прадѣда—извѣстнаго родоначальника. Все поминальное кушанье, поставляемое у *Юба* завѣдомо съѣдается собаками. Потомъ отличіе осеннихъ поминокъ отъ частныхъ заключается въ томъ, что на *кюрегге* сажается не чу-чела, а садится глава семьи и дома, но также въ костюмѣ покойника, и это сидѣніе повторяется нѣсколько дней. Отсюда, понятно названіе мѣста указаннаго сидѣнія „осеннимъ“—*кюрегге*. А такъ какъ Чуваши—во время поминокъ потребляютъ множество пѣтуховъ и пиво, то время осеннихъ поминокъ называется также *авданъ—сра*—пѣтушиное пиво.

Такъ поминаются виляшки, которыхъ могилы еще, такъ сказать, на глазахъ живыхъ, и которые имѣютъ еще въ живыхъ кровныхъ, близкихъ родственниковъ, а потому ихъ враждебность еще, можно сказать, уравновѣшивается чувствомъ родства: *ви-лимъ*, дѣлая изъ человѣка виляшку, не можетъ совершенно

уничтожить въ немъ чувства родства и всѣхъ прежнихъ привязанностей. Но съ теченіемъ времени родственныя связи съ живыми и предметы привязанностей естественно уничтожаются; тогда давно умершіе виляшки, подъ вліяніемъ *вири* или *виртъ*, сами дѣлаются — *виримъ*, злыми враждебными существами, которыя у Чувашъ и Мордвы получаютъ одно названіе „шуйтановъ“, злыхъ, нечистыхъ духовъ. Эти враждебныя существа — *виримъ* — проникаютъ въ надворныя жилища живыхъ, нанося вредъ скоту, и мѣшая благотѣльному вліянію тур—ада на благосостояніе дома. Самыя жилища людей предохраняются отъ проникновенія въ нихъ *виримъ*, какъ мы выше замѣтили, извѣстнымъ отворомъ двери въ жилищѣ и слуховымъ окномъ. Въ навечеріе Пасхи, когда начинаютъ просыпаться силы природы, а слѣдовательно и души умершихъ *виримъ*, всѣ мужскіе чувашскіе подростки садятся верхомъ на лошадей, головы и руки окручиваютъ бѣлыми *туторами* — полотенцами, берутъ въ руки палки; съ гикомъ и крикомъ заѣзжаютъ на каждый чувашскій дворъ, и изъ всѣхъ хлѣвовъ и дворовыхъ мѣстъ выгоняютъ *шуйтанъ* — *виримъ*. Поэтому навечеріе Пасхи называется у Чувашъ *ви-римъ* — *касъ* — вечеръ мертвыхъ. На первый день Пасхи (*мун-гунъ* — *мунъ* — великій и *кунъ* — день) такая же точно процессія, какъ и наканунѣ, разѣзжаютъ по всѣмъ улицамъ селенія, не заѣзжая на дворы, и, по проѣздѣ всѣхъ улицъ, скачетъ на поле — въ разныя стороны до границъ своихъ полевыхъ угодій, очищая отъ зловреднаго вліянія всѣ свои владѣнія. Впрочемъ отъ вліянія *виримъ* можно избавляться и чрезъ *вирдясъ* — посредствомъ наговоровъ.

Священникъ *Іоаннъ Архангельскій*.

(Окончаніе будетъ).

Открытіе Богоявленскаго Братства при Кіевской духовной Академіи.

При ограниченномъ количествѣ казеннокоштныхъ стипендій въ

САМАРСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

№ 16-й.

1886 г.

августа 15-го

Годъ двадцатый.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ: Очеркъ чувашской народности.—(Окончаніе).—Къ православнымъ христіанамъ о священной обязанности ихъ ставить въ церквахъ и домахъ своихъ предъ святыми иконами чисто-восковыя свѣчи.—Объявленія.

ОЧЕРКЪ ЧУВАШСКОЙ НАРОДНОСТИ.

II.

(Окончаніе).

Теперь вопросъ: всѣ ли души умершихъ, по чувашскимъ представленіямъ, необходимо переходятъ въ *виришъ*—злыхъ, враждебныхъ духовъ?—Нѣтъ—не всѣ. Родоначальники, „садчики“—первые приведшіе Чувашъ на извѣстное мѣсто поселенія (посадившіе), главы благоустроенныхъ семействъ и другіе хорошіе общественные дѣятели, сохранившіе по себѣ добрую память, получаютъ названіе *йыя*. Слово это имѣетъ свое основаніе въ Туранскомъ *йи*—*отошелъ*, и *йыя* означаетъ отошедшаго главу рода или семейства. Отсюда чувашское *йырдысъ*—шибко проходить, проѣзжать и *йырдырдысъ*—прытко идти, перегонять. Видимая, внѣшняя сторона умершаго или отошедшаго—*юйтъ*—тѣло—уничтожается могилою, а продолжаетъ существовать только внутренняя сторона человѣческаго существа—*йыя*. Отсюда *йыжъ*—внутренности и сердце, *йыжинче*—внутри и *йыжасъ*—сердиться. Чувашское представленіе объ *йыя* вполне аналогично съ славянскимъ представленіемъ о *Чурѣ*. Какъ славянскій Чуръ послѣ

обратился въ „домоваго“, въ высшій степени привередливое существо, враждебно—доброе; такъ и чувашскій йыя обратился въ *йыя—касхи* (кась—вечеръ), въ вечерняго почнаго духа, столь же привередливаго, какъ и русскій „домовой“. По представленію Чувашъ, йыя отличается особенною блѣдностію, онъ есть *йырганъ*—блѣдный, тощій и голодный. Онъ наказываетъ Чувашъ болѣзненными лишаями, а потому и названіе лишая то же *йыя*. Ему же Чуваши, какъ и Русскіе своему домовому, приписываютъ апоплексическій ударъ. Апоплексія у Чувашъ—*йыя чумлатъ*—3-е лицо настоящаго времени—отъ чумласъ—наносить ударъ вдругъ, нечаянно. Ночь, по представленію Чувашъ, какъ почти и во всѣхъ мифологіяхъ, составляетъ время, въ которое особенно дѣйствуетъ вліяніе невидимыхъ таинственныхъ силъ, большею частію враждебныхъ человѣку. Отсюда понятенъ у *йыя* эпитетъ *касхи*. Это особенное вліяніе продолжается не всю ночь, а только раннюю ночью до полуночи, въ которую—*авданъ авдатъ* (пѣтухъ поетъ). Отсюда нарѣчіе „рано“ по чувашски *йыръ*, какъ время дѣйствія *йыя*. Послѣ полуночи—*йыя йырляны*—медленно исчезаетъ. *Йырляны*—отъ *йырласъ*—растивать, помаленьку уничтожаться. Пѣніе пѣтуха даетъ знать, что дѣятельности мертвыхъ полагается конецъ, а наступаетъ время для дѣятельности живущихъ. Слѣдовательно, пѣніе пѣтуха есть сила, враждебная для умершихъ. Отсюда понятно большое употребленіе у Чувашъ поминальной пищи, приготовляемой изъ пѣтуховъ: это, по понятію Чувашъ, должно составлять самую желательную пищу для покойниковъ.

Съ наступленіемъ ночи наступаетъ время пробужденія дѣятельности умершихъ: *виляшокъ*, *вирымъ*, *йыя* и *йыихъ*. Какъ у Славянъ *чуръ* обобщался въ *родъ* и *роженицяхъ*, такъ и у Чувашъ *йыя* обобщается въ *йыихъ*. *Йыихъ* есть собирательное понятіе отъ *йыя*, и означаетъ родъ, предки вообще ⁽¹⁾. Вліяніе

(1) Вообще производныя чувашскія слова, оканчивающіяся на *хъ*, имѣютъ въ своемъ содержаніи нѣчто собирательное, напр.: *пузя*—голова, и *пузяхъ*—колосъ; *уй*—поле, мѣсто, подвер-

йыхх на людей болѣе непосредственное, чѣмъ другихъ видовъ умершихъ. Чуваши наступленіе сна приписываютъ непосредственному вліянію *йыхх*. Выраженіе „сонъ клонить“ по чувашски: *йыхх килать* (идеть); отсюда слово — бессонница по чувашски — *йыхх—зырз* (*зырз* предлогъ — *безз*). *Йыхх* и *йыя*, какъ представители рода, заботятся объ его интересахъ, становятся дѣятельными, дѣйствующими — *йыр—ою*; отсюда *йыра—сонасз* (*сонасз* — желать) — значить *усердствовать, заботиться*. *Йыра* любить завѣщанный роду порядокъ — *йырги*. Въ наказаніи изъ живущихъ членовъ рода, при апоплексіи, онъ дѣйствуетъ по своему *йыйбырз—ябырз—вдругз*. Синонимическое слово у Чувашъ — *Харсз—вдругз*. Онъ, какъ Славянскій *Чурз* — въ символѣ — Чур — пана, межевого знака, охраняетъ родовую межу, которая и называется у Чувашъ *йыя—ранз* (*ранз* предлогъ *отз*). Онъ служитъ связью живущихъ родичей, а потому чувашская семья — *ача—пучи*, — въ качествѣ представительницы рода, называется *йыяш*. Онъ заботится о продолженіи своего рода, а потому беременная женщина называется *йывырз*, а рожденный мальчикъ, какъ представитель и потенциальный продолжитель рода, называется *йыйвулз* — отъ *йыя* и *вулз* мѣсто имѣнія *онз*. *Йыйра* заботится и о домашнемъ имуществѣ родичей, укрѣпляетъ его: отсюда пазъ, выемка изъ вѣнечнаго дерева, укрѣпляющая деревянное зданіе, называется по чувашски *йыра*. Отсюда родовое богатство называется *йыри*. Отъ *йыя* и глаголѣ *йыйлыгасз* — удовольствоваться, пресытиться. Отсюда же и глаголѣ *йыйванасз* — выигрывать и *йыйва* или *йыява* — гнѣздо. Отсюда же человекъ безпорядочный, бездомный называется *йырз—зырз* (*зырз* — *безз*). За нарушеніе порядковъ и завѣтовъ предковъ *йыя* или *йыйра* наказываетъ извѣстнаго рода болѣзнями; отсюда чувашское слово — *йырадасз* — болѣть. Насколько *йыйя* или *йыйра* былъ существомъ дорогимъ для Чу-

женное раздѣлу и перемѣнѣ вида, *уйхх* — мѣсяць, предметъ, подверженный постояннымъ перемѣнамъ, отъ *уйрласз* — раздѣляться, перемѣняться.

вашъ, это показываетъ глаголѣ *йыя* — *ндычасъ* — божиться или поставлѣть *йыйя* — свидѣтелемъ своей клятвы.

Собирательное представленіе всѣхъ свойствъ *йыихъ* или *йыра* Чуваши выражаютъ словомъ — *йыйрихъ*. Но прежде, чѣмъ вести рѣчь объ *йыйрихъ*, мы должны сказать нѣсколько словъ о миѣическомъ значеніи у Чувашъ — *йыйда* — собака. Мы уже упоминали, какую важную роль во всѣхъ чувашскихъ поминкахъ играетъ *йыйда* — собака. Но она имѣетъ значеніе не только при поминкахъ, а и вообще — въ домашнемъ быту Чувашъ. Котлы, чугуны, горшки, въ которыхъ готовится пища Чувашъ, и самыя чашки и блюда, въ которыхъ подается какая либо пища, — все это съ остатками пищи, выставляется собакамъ: собаки „чи-стятъ“ ихъ, какъ выражаются Чуваши. При поминкахъ собакамъ отдаются не только остатки поминальной пищи Чувашъ, но и та часть этой пищи которая специально назначается для покойниковъ. *Вызе* и *йыйрзанъ* (голодные истощенные покойники) достигаютъ поминальной пищи, насыщаются и успокаиваются чрезъ насыщеніе собакъ. Мы не ошибемся, если скажемъ, что собака была однимъ изъ главныхъ миѣическихъ животныхъ въ чувашскихъ представленіяхъ. Долговременное вліяніе магометанства, а затѣмъ христіанства не могло не ослабить интенсивности этого вѣрованія Чувашъ, хотя и неуспѣло низвести собаку въ разрядъ простыхъ животныхъ. По тѣсной связи у Чувашъ собакъ съ культомъ мертвыхъ, мы можемъ сказать, что имѣемъ ясный намекъ на вѣрованіе Чувашъ въ метемпсихозисъ: *йыйда* — отъ *йыя* — и *ада* или *азю*. *Йыя*, переходя въ собаку, выходитъ изъ области *вири* или *виртъ*, и вступаетъ въ область *азю*, чтобы сдѣлаться *йывеуль* — сыномъ, продолжателемъ рода.

Славяне отводятъ для своего *чура* или *домоваго* помѣщеніе подъ очагомъ или подъ печью, а въ извѣстное время — передній уголъ подполья. Чуваши своихъ *йыя*, *йыйхъ* и *йыйра* помѣщаютъ, гдѣ хранятся главные плоды ихъ земледѣльческаго быта — зерновой хлѣбъ — *ты* — *ра* — въ амбаръ. Нагляднымъ выраженіемъ этого помѣщенія служить кузовъ съ извѣстнымъ содержимымъ,

который и зовется *йййрихъ*. А такъ какъ изъ всѣхъ видовъ хлѣба у Чувашъ преимуществуетъ рожь, то она и называется — *йййра—жъ*, а главные остатки или отброски т. е. отруби называются *йййриниъ*. Кузовъ помѣщается въ одномъ изъ угловъ амбара въ висячемъ, а если есть полки выше сусѣковъ, въ стоячемъ положеніи. Въ кузовѣ находятся обрѣзки волосъ и погтей, какъ предметы посвященія, принадлежащія организму посвящающаго, менѣе другихъ подверженные разложенію. Сюда же кладутся кусочки олова *тухланъ*, — металла, способнаго *подниматься* (плавиться) скорѣе другихъ металловъ. Есть мнѣніе, что тухланъ замѣняетъ древняго фетиша Чувашъ, маленькаго вершковаго идола, имѣющаго человѣческія формы, который приготавлился изъ олова, (въ родѣ боговъ Лавана, украденныхъ Рахилью). Изъ разспросовъ лучшихъ Чувашъ по этому поводу, полнымъ довѣріемъ коихъ пользовался въ свое время пишущій эти строки, удалось узнать только то, что подобныхъ формъ нѣтъ въ йййрихѣ нѣтъ; но у нихъ сохранилось преданіе, что ихъ предки на память съ умершихъ „садчиковъ“, которые сажали (селили) Чувашъ на извѣстныя мѣста, дѣлали куклы деревянные или оловянные, похожія на нихъ, садчиковъ. Какого размѣра были эти куклы, и гдѣ они хранились, теперь Чуваша не знаютъ. Куклы эти носили чувашскія имена тѣхъ садчиковъ, въ память коихъ они сдѣланы; напр.: *Юманъ* (дубовый — твердый) ит. под. Такъ, или иначе нужно поставить указанное обстоятельство, это для насъ безразлично: тотъ смыслъ, который объективно вытекаетъ изъ чувашскихъ культурныхъ вѣрованій, отъ этого нисколько не измѣняется. Тутъ же въ кузовъ кладутся разные обрѣзки холста, ситца, сукна, ремешки отъ выдѣланныхъ кожъ и овчинъ и даже щепочки отъ новаго сруба, вообще — отъ всякихъ чувашскихъ обновъ. У Чувашъ всякая обнова — въ обуви, одеждѣ и въ жильѣ должна получить, такъ сказать, санкцію *ййя* или *йййхъ*. Туда же кладутся мелкія монеты. Снаружи кузовъ украшается разноцвѣтными ленточками, а у богатыхъ — серебряными монетами. Еще необходимую принадлежность йййриха составляютъ вѣтки рябины, помѣщаемыя

внутри и внѣ кузова. По представленію Чувашъ, какъ и большинства язычествующихъ народовъ, главное обитаніе *виризмъ* (враждебныхъ душъ умершихъ) составляетъ таинственная область лѣсовъ — *вурманъ* — отъ *вуряхъ* — медленно. Слѣдовательно, названіе лѣса у Чувашъ взято отъ того же свойства, какъ и у Санкритовъ (*дерево*, какъ предметъ, туго, медленно растущій). Таинственные обитатели лѣсовъ ведутъ постоянную брань между собою, нападаютъ и на живыхъ людей: отсюда *вурсъ* — брань, сраженіе, *вурзясь* — браниться. Изъ деревъ рябина — *пиолень* отъ *пиольть* — небо — обладаетъ магическою силою прогонять враждебныя силы, какъ у Мордвы, отчасти и у Русскихъ, трава „Чертогонъ“ (по мордовски — Шайтанъ тикше) изъ разряда репейно-видныхъ. Магическая сила рябины, сообщенная ей съ небомъ, даётъ домашнимъ *йыйхъ* возможность побѣждать враждебныхъ *виризмъ*. Какъ талисманъ противъ вліянія враждебныхъ духовъ, у Чувашъ пришивается ленточка на вороту мужскаго кафтана, которая и называется *йыйсма*. У Чувашъ про рябину существуютъ легенды, сущность которыхъ сводится къ одному, именно — къ магизму ея, дающему человѣку, находящемуся въ лѣсу, надежное орудіе отъ нападенія шайтановъ (тоже что *виризмъ*). Почему же чувашская фантазія дала магическую силу рябинѣ, а не какому либо другому дереву? На этотъ вопросъ пишущему эти строки современные Чуваша неоднократно объясняли, что листья на вѣткахъ рябины имѣютъ видъ креста, а потому и боятся ея шайтаны. Объясненіе, очевидно, не изъ мифической области. Здѣсь уместна и правдоподобна та догадка, что рябина въ огромныхъ засурскихъ лѣсахъ во всю зиму сохраняетъ на себѣ красныя ягоды, а слѣдовательно и *жизнь*, какъ враждебную силу противъ смерти, что, при общей мертвенности зимней природы, должно приковывать къ себѣ фантазію. Въ заключеніе мы должны сказать, что „культъ мертвыхъ“ въ древности былъ сильно развитъ у Чувашъ, и болѣе другихъ чувашскихъ вѣрованій тормозилъ вліяніе христіанства на Чувашъ. *Йыя*, *йыйра*, *йыйхъ* и *йыйриху* еженедѣльно въ среду — *Ионъ* — *куиъ* — въ кровавый день — приносились жертвы на дво-

рѣ подѣ деревомъ, на что указываетъ самое названіе дворнаго дерева—*чукъ — йыивысь*. А такъ какъ на дворѣ скорѣе другихъ деревъ прививается посадка ветлы, которая и быстрѣе растетъ, то она и получила названіе йыя—мра. На мѣстическое значеніе ветлы указываетъ и другое ея названіе—*сіорьмъ — нузь*. Цѣль жертвоприношеній умершихъ, само собою понятно, та же, что и цѣль поминокъ по умершимъ. Если загробная жизнь есть въ нѣ-которой мѣрѣ продолженіе земной жизни; то какъ примирить это понятіе съ тѣми жалкими остатками пищи, которые спеціально посвящаются мертвымъ, и поѣдаются собаками? на этотъ во-просъ чувашскія представленія даютъ такой отвѣтъ: по понятію Чувашъ каждый кусочекъ хлѣба, посвященный умершему, ста-новится для него цѣлымъ возомъ. Въ такой же, разумѣется, пропорціи увеличиваются и всѣ другіе предметы поминальнаго посвященія.

Йыйрихъ, въ которомъ обобщилось понятіе Чувашъ объ умер-шихъ предкахъ, какъ у Славянъ это же самое понятіе обобщилось въ *родъ* и *роженницахъ*, наказываетъ Чувашъ за отступле-ніе отъ заветовъ старины и порядка, переданнаго предками, и за неуваженіе ихъ памяти—болью въ поясницѣ, лишаими, коростой, скорбутомъ, чирьями, нарывами, глазными и другими накожными болѣзнями, къ которымъ Чувашъ относятъ изъ міазмі-атическихъ болѣзней оспу и корь по ихъ наружному виду. Въ этомъ-то вѣрованіи и надо искать причины, почему Чувашъ со-храняютъ свое двоевѣріе и туго поддаются воздѣйствію христіан-ства. При этомъ не лишне вспомнить, что и Русскіе, въ періодъ своего двоевѣрія, дольше всего сохраняли молитвы и жертвы *роду* и *роженницамъ*.

Мы перечислили тѣ болѣзни, которыя единолично поражаютъ Чувашъ, и приписываются Чувашами вліянію йыйриха. Но кро-мѣ указанныхъ болѣзней есть еще родъ болѣзней—горячечныхъ, міазміатическихъ, имѣющихъ характеръ эпидемическій и канта-гіозный. Во время этихъ болѣзней одновременно, или почти одновременно много людей подпадаютъ подъ вліяніе какой-то мощной таинственной силы, которая, выражаясь языкомъ наше-

го поэта народного, „ходить невидимкой, губить безъ разбора“, представляется злой, безцѣльнотворящей силой. Міазматическія болѣзни сильно поражаютъ народную фантазію. Олицетвореніе этихъ болѣзней чувашской фантазіей и составляетъ то, что у Чувашъ называется *Кереметью*, или киреметью.

Гдѣ же обитаютъ духи, представители и носители этой губительной злой силы?—тамъ же, гдѣ чувашская фантазія поселила и другихъ враждебныхъ Чувашамъ духовъ, т. е. большею частію, въ таинственной области лѣсовъ; но это не мѣшаетъ этимъ силамъ занимать и другія таинственныя мѣста помимо лѣсовъ. Точное опредѣленіе этихъ мѣстъ и размѣра ихъ лежитъ на обязанности Іомзей, какъ людей озаренныхъ свыше. По разнообразію міазматическихъ болѣзней и силы ихъ воздѣйствія на организмы людей разнообразятся и самые керемети: они бываютъ относительно добрые, т. е. менѣе злые, злые и самые злые (напр.: черная оспа, чума, сыпной и пятнистый тифы). Указаніе того, какая именно кереметь поразила извѣстную семью, деревню или село, также лежитъ на обязанности Іомзей. Мѣста обитанія кереметей означаются вывѣской на деревьяхъ или кольяхъ конскихъ, воловьихъ и овечьихъ головъ отъ принесенныхъ въ жертву керемети животныхъ. Эти мѣста, гдѣ открыто Іомзями пребываніе кереметей, должны быть для Чувашъ неприкосновенны: здѣсь обитаютъ духи, носители такой злой силы, которая поражаетъ не единично, а губить безъ разбора и праваго и виноватаго. Откуда взялась эта злобная, безъ цѣли враждебная, мстительная сила? есть ли она самостоятельное существо, имѣющее начало само въ себѣ, независимое отъ тор—азю? Чувашскія вѣрованія отвѣчаютъ на этотъ вопросъ такъ: сила эта (кереметь) была добрая, это — былъ *йыйвулз* — *торжинз* — *азю* — сынъ божій. Онъ сошелъ къ людямъ утѣшить ихъ въ горькой долѣ, помочь имъ въ ихъ жизненной борьбѣ; но люди нагло оскорбили его, осмѣяли и нанесли побои. Тогда онъ поклялся мстить всѣмъ людямъ безъ разбору, преслѣдовать ихъ не только единолично, но цѣлыми семьями и родами, какъ бы многочисленны (йыйшла — отъ йыйхъ) ни были эти роды, поражая ихъ и цѣлыя селенія тя-

желыми болѣзнями. Съ этихъ поръ этотъ сынъ божій сталъ *нотымъ*, *чымъ онъ долженъ быть*, сталъ дѣлать *не то, что надобно*: сталъ *киреметью*. Это слово—отъ *киресъ* или *кересъ* долженствую быть съ отрицательной частицей—*маръ*—*не*. Отсюда—*кирреле* и *керле*—надобно, должно, и *керле*—*маръ*—не надо. Частица *маръ* въ повелительномъ наклоненіи глагола обращается въ *анъ*, а въ изъявительномъ наклоненіи настоящего времени—въ *мастъ* и *местъ*, а отсюда въ *ма* и *ме*, а въ прошедшихъ временахъ послѣднія частицы получаютъ полное право гражданства. Отъ *кирасъ*—*маръ*—первое лицо настоящего времени будетъ—*киреметынъ* и *киремедынъ*—чѣмъ я не долженъ быть. 3-е лицо *киреместъ* и *киреметъ*—чѣмъ онъ не долженъ быть. Словомъ же *кирелле* Чуваша называютъ все, что готовится киремети, а самое нападеніе киремети выражаютъ словами: *кирелле*—*ранъ халзыръ буласъ*, это по русски можно выразить такъ: „быть безпомощнымъ, не смотря на исполненіе долгаго“, или „безъ вины быть виновату“.

Многіе нынѣшніе Чуваша, отодвинутые въ своихъ жилищахъ отъ темныхъ лѣсовъ Засурья, начинаютъ, подъ воздѣйствіемъ школъ и православнаго духовенства, забывать свои киремети. Мѣста для киреметей они начинаютъ смѣшивать съ мѣстами своихъ обычныхъ моляновъ—тур—ада, мѣстами, не имѣющими тѣхъ характеристическихъ признаковъ, которыми должны отличаться мѣста для киреметей. Притомъ на мѣстахъ обыкновенныхъ моляновъ пасется и скотъ, и всякій можетъ входить на нихъ безопасно. Многіе Чуваша *мамеля*—*укси*—мелкія деньги, бросаемаы прежде Киремети, бросаютъ въ ограды и на площади православныхъ храмовъ. *Нухратъ*—же—серебряныя деньги съ женскихъ сурпановъ—праздничныхъ нарядовъ—и другія серебряныя деньги собираютъ и провожаютъ съ нарочнопосланнымъ въ какой либо, по указанію Іомзи, православный храмъ для отслуженія задравнаго молебна. Сколько бы этихъ денегъ ни было собрано, хотя бы болѣе 50 рублей, все отдаются (высылаются изъ рукавицы, но не иначе) за отслуженіе одного молебна.

Прежде, чѣмъ покончить настоящій очеркъ, мы коснемся во-

проса, непосредственно вытекающего изъ нашего описанія киремети. Если сынъ Божій сдѣлался киреметью, то какъ согласить съ этимъ единствомъ чувашскаго представленія ихъ же представленіе о множествѣ киреметей?—Это можно объяснить изъ общаго свойства Туранскихъ вѣрованій. Извѣстно, что Туранцы, взявъ какое либо свойство верховнаго существа, олицетворяли его и скоро обращали въ такъ называемый „культъ духовъ“. Киреметь имѣетъ, по чувашскимъ представленіямъ, свой штатъ, состоящій изъ безчисленнаго множества духовъ, которые отражаютъ въ себѣ, какъ младшіе киремети, въ той или другой мѣрѣ все свойства старшаго. Закончимъ свою рѣчь о киремети не большимъ замѣчаніемъ. Киреметь, строго говоря, не нарушаетъ единства чувашскаго представленія о верховномъ существѣ: киреметь не есть исконное злое начало. Онъ сдѣлался такимъ не самъ по себѣ, а отъ *хуярства* (*ху*—свой и *яръ*—воля), своеволія и злобы людей.

Священникъ *Іоаннъ Архангельскій*.

Къ православнымъ христіанамъ

о священной обязанности ихъ ставить въ церквахъ и домахъ своихъ предъ святыми иконами чисто-восковыя свѣчи.

„Что слѣпо, или повреждено, или уродливо, или больно, или коростливо, или паршиво, такихъ не приносите Господу, и въ жертву не давайте на жертвенникъ Господень. (Лев. XXII, 22).“

Съ самой глубокой древности православные христіане приносили въ храмы Божіи хлѣбъ, вино, елей, ладанъ и восковыя свѣчи. Но съ теченіемъ времени изъ сказанныхъ приношеній, болѣе другихъ удержались до сего времени восковыя свѣчи.

О послѣднемъ-то приношеніи, то есть, о восковыхъ свѣчахъ, которыми поддерживается благосостояніе нашихъ церквей и духовенства, скажемъ вамъ нѣсколько полезныхъ словъ. Извѣстно, что на выручаемыя церквами, чрезъ продажу восковыхъ свѣчей деньги, созидаются прекрасные храмы съ украшеніями, устраи-